

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ

Военные
Приключения

ТАЙНИЦА НА ЭТЪЕ

Александр Насибов
Тайник на Эльбе
Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141270
Тайник на Эльбе / Насибов А.А.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7830-1

Аннотация

1944 год. Советской разведке становится известно, что в окрестностях г. Остбурга фашисты тайно складировали один из гестаповских архивов. В Германии группа советских разведчиков уже проверяет агентурные данные о нахождении подобного тайника в другом городе, но без особого успеха. Кроме того, на след группы выходит немецкая контрразведка. Для выполнения сложного и опасного задания во вражеский тыл направляется майор Аскер Керимов...

По этому знаменитому роману в 1963 году немецкая киностудия «Дефа» сняла приключенческий фильм, получивший широкое признание зрителей.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвертая	21
Глава пятая	33
Глава шестая	39
Глава седьмая	46
Глава восьмая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Ашотович Насибов

Тайник на Эльбе

Глава первая

1

Часов в десять утра к вокзалу пригородной железной дороги подошел электропоезд. Хлынувшая из него толпа пассажиров вынесла на перрон старика.

В облике пассажира не было ничего примечательного – коротко подстриженные седые усы и такая же бородка, темные глаза, равнодушные и чуть усталые, небольшой, правильной формы нос. Одежду его составлял костюм из недорогой шерстяной ткани и каракулевая папаха – так обычно одеваются люди преклонного возраста и среднего достатка, живущие в маленьких городах или селениях Азербайджана. Старик был сухощав, бодр, держался прямо, шел быстрой, энергичной походкой.

Выйдя на привокзальную площадь, он двинулся в сторону моря. Здесь тянулись кварталы старых одно-этажных домов, сложенных из грубо обтесанного пористого камня. Человек в папаче неторопливо побрел вдоль них, поглядывая на номера зданий, и наконец оказался перед ветхим домиком с палисадником.

Старик дважды прошелся перед домиком, будто изучая его, затем направился к расположенному неподалеку продуктового магазину. У входа в магазин, по тротуару, вытянулась порядочная очередь, и он стал в ее конец.

Прошел час. Старик был уже у самых дверей, когда из дома с палисадником вышел человек. Увидев его, старик кашлянул, беспокойно переступил с ноги на ногу и, торопливо достав из кармана желтый замшевый бумажник, раскрыл его. Потом поднял голову, встретился взглядом с соседкой по очереди – пожилой женщиной с ребенком на руках – и с досадой покачал головой.

– Что случилось? – спросила женщина.

Старик печально улыбнулся.

– Один шайтан знает, сколько я проторчал здесь, – растерянно пробормотал он. – А карточек нет – забыл дома!

– Так бегите домой, да побыстрее, а то очередь подойдет.

Старик благодарно закивал и рысцой припустил по тротуару.

Шагов на двести впереди двигался тот, кто вышел из домика с палисадником. Это был высокий худощавый мужчина в бобриковой куртке и красноармейской ушанке.

Вскоре человек в ушанке и старик оказались на трамвайной остановке. Трамвая, видимо, давно не было – в ожидании его скопилось много пассажиров.

Трамвай появился лишь минут через двадцать. Торопясь и толкаясь, все устремились к вагонам.

Громяхая на стыках рельсов, отчаянно трезвоня на поворотах, трамвай мчался к центру города. После каждой остановки в нем становилось все теснее.

Старик и мужчина в ушанке стояли рядом. Внезапно старик схватился за карман:

– Обокрали! – завопил он.

В вагоне поднялся переполох. А он ощупывал себя, хлопал по карманам, шарил за пазухой.

– Обокрали, – твердил старик, – бумажник вытащили, а в нем продуктовые карточки!

Вдруг он умолк, что-то соображая, круто обернулся и оказался нос к носу с человеком в ушанке.

– Это ты украл, сын собаки! Где бумажник? Отдай или позову милиционера!

Отбиваясь от наседавшего старика, пассажир пятился к выходу.

– Смотрите, – раздался вдруг возглас потерпевшего. – Смотрите сюда!

Все посмотрели вниз. Там, на грязном влажном полу, желтел замшевый бумажник.

Старик метнулся вперед, вцепился вору в грудь.

Трамвай подходил к остановке. Не переставая кричать, старик тащил карманника к выходу. Вскоре они очутились на панели. И здесь произошло неожиданное. Вор вдруг выпрямился, коротким, точным ударом в грудь свалил старика и бросился бежать.

Преступник мчался по малолюдной улице, наклонив голову и угрожающе выставив кулаки.

Еще несколько десятков шагов, и он свернет в одну из боковых улочек, пробежит по ней до широкой оживленной магистрали, а там – ищи его в людском потоке.

Впереди показался патруль. Что предпринять? Повернуть обратно и попытаться пробиться? Вор оглянулся. Преследователей было человек десять. Во главе с милиционером они бежали, рассыпавшись по всей улице. Нечего было и думать прорваться сквозь такой заслон. Но еще меньше было шансов на то, чтобы увернуться от трех вооруженных солдат, двигавшихся навстречу.

Погоня приближалась. В последний момент преступник заметил ворота, которые вели во двор какого-то дома, и кинулся туда.

Когда преследователи вбежали во двор, вор карабкался по пожарной лестнице, прикрепленной к стене большого здания. Он был уже на уровне третьего этажа.

Двое патрульных, закинув автоматы за спину, полезли следом. Третий солдат и милиционер поспешили к подъезду, чтобы подняться на чердак, а оттуда на крышу дома.

Во дворе собралась толпа. На ее глазах преступник добрался до конца лестницы и исчез.

– Теперь удерет, – сказал мальчишка, обутый в большие резиновые сапоги.

– Некуда ему деваться, – солидно возразил дворник. – Дом-то на два этажа выше соседних...

Дворник не договорил. На краю крыши показался милиционер. Он снял фуражку, помахал ею, и все поняли, что преступник пойман.

Вскоре милиционер, патрульные и задержанный были внизу. Милиционер оставил его на попечение солдат, а сам принялся искать потерпевшего. Но тот будто в воду канул.

2

К зданию отделения милиции подъехала легковая машина. Из нее вышли двое в штатских костюмах и направились в кабинет начальника отделения. Майор милиции Широков, уже предупрежденный по телефону, ждал их, шагнул навстречу.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – сказал он, обращаясь к одному из посетителей, пожилому мужчине, высокому и полному.

Тот кивнул, пожал ему руку, указал на спутника.

– Знакомьтесь: это – майор Семин Артемий Ильич.

Широков и Семин поздоровались.

Широков уже шестой год работал в этом отделении милиции, обслуживающем один из центральных районов Баку. Дела не раз сводили его с полковником государственной безопасности Азизовым. Полковнику поручались сложные расследования. Дважды Широков участвовал в операциях, которыми руководил Азизов.

Что же сегодня привело сюда полковника?

Широков разглядывал тяжелую, наголо обритую голову Азизова, его румяные щеки и мягкий округлый подбородок – и ждал.

Азизов вытащил портсигар, предложил офицерам папиросы, закурил сам.

– Покажите карточку, – сказал он спутнику.

Семин вынул и протянул Широкову фотографию. С нее глядел мужчина средних лет, худой и, вероятно, высокий. Начальник отделения милиции внимательно изучал сфотографированного – его белесые брови, широко посаженные глаза, нос с едва заметной горбинкой и бороздкой на кончике, длинную шею с крупным кадыком.

– Нет, – сказал он, возвращая карточку, – такого не знаю.

Ответ показался полковнику забавным. Он улыбнулся.

Широков насупился, вновь взял фотографию.

– Нет, решительно не знаю, – твердо сказал он. – Не встречал, товарищ полковник, ну, честное же слово, не встречал!

– Человек этот арестован, – сказал Азизов. – Сидит. И, между прочим, у вас.

Широков пододвинул к себе сводку происшествий за день.

– Вор? – спросил он, проглядев сводку. – Кража в трамвае?

– Он самый, – подтвердил Семин.

– Погодите, погодите... Но им интересуетесь вы?

Азизов кивнул.

– Почему же тогда кража? – Широков поднялся с дивана. – Он что, с ума сошел? Ничего не понимаю.

– Мы тоже озадачены. – Азизов пожал плечами. – Засекли его далеко отсюда, еще полмесяца назад. Изучаем. Есть все основания полагать, что прибыл по важному делу. Начал действовать – и, на тебе, мелкая кража!

Широков позвонил. Вошел помощник. Начальник отделения передал ему сводку, отчеркнув ногтем место, относящееся к трамвайному происшествию.

– Проверьте, где задержанный и кто ведет следствие.

Вскоре помощник вернулся. Он доложил: арестованный сознался в воровстве.

– Признался, что совершил кражу? – переспросил Азизов.

– Даже раскаялся. Клянется, что это в последний раз.

Азизов попросил, чтобы начальник отделения отпустил помощника. За арестованным глядеть лучше, но не допрашивать.

Затем Азизов занялся просмотром следственных материалов.

– Так, – сказал он, листая бумаги, – документов при себе не имел или, скорее всего, выбросил перед арестом. Назвался Александром Щуко. Адрес дал ложный – мы-то знаем, где он живет... И ко всему – признался! – Полковник поднял голову, вопросительно поглядел на помощника.

– Да еще с такой легкостью, – сказал Семин. – А ведь мог все начисто отрицать – потерпевшего-то и свидетелей нет!

– Это действительно странно, – сказал Широков.

Азизов подошел к окну, поглядел на улицу.

– Не странно, майор, а хитро: ему поверят, закончат следствие, осудят на какой-то там срок...

– За кражу, – вставил Семин.

– Да, за мелкую кражу. Он отсидит или, пожалуй, сбежит. И вот он вновь на свободе и может продолжать прерванное арестом дело!.. Главное, чего он боится, это чтобы не развернулось тщательное расследование. Потому и поторопился с признанием.

Полковник вернулся к столу, вновь полистал бумаги из папки, задумался.

– Меня сейчас другое интересует. Как случилось, что он оказался в роли вора и попал в милицию? Кому это понадобилось?..

3

Часа через три в служебном кабинете Азизова зазвонил телефон. Азизов снял трубку и услышал голос майора Широкова.

– Товарищ полковник, вы просили доложить, если вдруг прояснится...

– Да, да, говорите!

– Так вот, ко мне явилась одна гражданочка... Она, собственно, не о Щуко, о том, другом, потерпевшем...

– Хорошо. – Азизов встал. – Попросите гражданку ко мне.

– Ясно, товарищ полковник. Сейчас явится. Запишите для пропуска: Оруджева Шафига.

Вскоре в дверь кабинета постучали. Азизов, занятый бумагами, не услышал. Стук повторился, и за дверью послышался плач. Полковник удивленно поднял голову, встал и распахнул дверь. На пороге стояла женщина с годовалым ребенком на руках.

– Оруджева? – спросил Азизов.

– Я самая... Да замолчи ты, неугомонный! – прикрикнула она на ребенка.

Полковник пригласил женщину в кабинет, вызвал майора Семина.

– Мы слушаем вас, – сказал он посетительнице.

Та положила на стол большие красные руки и начала:

– Я живу возле цирка. Продуктовые карточки прикрепляю в магазине, который недалеко от дома... Вот на этой бумаге написан адрес – мы с начальником милиции звонили, узнавали. Большой такой магазин.

– Я знаю, – сказал Азизов, взглянув на бумажку.

– Ну вот, стою я в очереди...

– Когда?

– Сегодня это было, начальник! Утром, в десять часов. Заняла, значит, очередь, жду. За мной стал какой-то старик. Стоим. Наконец очередь подошла. Надо входить в магазин. А старик, что был сзади, вдруг заявляет: «Забыл карточки дома». Ну что тут делать? Говорю: бегите скорей за ними.

– И побежал?

– Да... Время идет, а старика нет. Мне уже и сахар выдали, а его не видно.

– Так и не пришел?

– Не пришел! Что ж, думаю, дело твое. Может, денег не хватило или еще что... А я ждать не могу – у меня ребенок на руках. И ушла. К трамваю иду. Это чтобы на базар ехать. Дохожу до остановки, и что вы думаете, – он!

– Старик?

– Он самый! Хотела подойти, сказать: почему людям голову морочишь? Потом раздумала. Мало у кого какие причины. Я правильно говорю?

Азизов кивнул.

– И не подошла. А тут – трамвай. Я, конечно, с передней площадки – у меня ребенок... Ну, поехали мы. Две остановки тихо ехали, а как стали приближаться к третьей, начал он скандалить.

– Тот самый старик?

– Тот самый. Бумажник, кричит, украли. Я бы не обратила внимания – мало ли что случается. Но вижу – врет.

– Почему так решили? Объясните, пожалуйста, подробнее. Это очень важно.

– Кричит: «Бумажник украли, в бумажнике продуктовые карточки». А я-то ведь знаю, не было там никаких карточек!

– Подробнее, пожалуйста.

– Старик у магазина бумажник наизнанку выворачивал, карточки искал. Тогда не было карточек. А теперь вдруг появились... Я правильно говорю?

– Продолжайте, пожалуйста, – сказал Азизов, все больше заинтересовываясь рассказом женщины.

– Ну, что дальше было, вы знаете... Да, еще! Когда вора на крыше дома ловили, я в тот двор вошла. Там много народу собралось. Оглянулась – рядом со мной старик. «Ах ты, говорю, такой-сякой, зачем человека зря обвиняешь? Карточек-то не было у тебя!» Здесь все зашумели – милиционер и солдаты вывели которого поймали. Ну, я на них и зазевалась. Потом оглянулась – старика нет. Его и милиционер искал, да не нашел. И я подумала: надо сходить в отделение. Человека-то, может, зря... Хотя зачем он бежал, начальник?

– Вы все рассказали? – спросил Азизов.

– Что знала, то рассказала.

– Не совсем. – Семин взял лист бумаги. – Как выглядел тот старик? Вспомните его лицо, костюм, шапку. Какого он роста, сколько ему примерно лет?

Женщина подумала и довольно точно описала внешность второго участника происшествия.

Азизов наклонился к Семину, сказал несколько слов. Тот вышел. Вернувшись, положил перед Оруджевой фотографии.

– Скажите, нет ли здесь карточки того старика? – Азизов вопросительно посмотрел на посетительницу.

Женщина проглядела фотографии.

– Нет, – твердо сказала она, – это другие. Это, начальник, совсем другие люди.

Глава вторая

1

Убедившись, что человека в ушанке задержали, старик выбрался на улицу и заспешил в обратную сторону. Вскоре он вновь был у домика с палисадником. Постояв перед дверью, из которой час назад вышел незнакомец, он решительно постучал. На стук никто не отозвался.

«Не хватает только, чтобы ее не оказалось дома», – подумал старик и постучал опять.

За дверью послышались шаги.

– Кто там? – спросил голос.

– Гость.

Дверь открылась. На пороге стояла пожилая женщина в халате.

– Дома ваш квартирант? – осведомился посетитель, любезно улыбаясь.

– Нет. – Женщина взялась за дверь, чтобы запереть.

– Минуточку! Мне, собственно, не его самого... Понимаете, мы с ним приятели, и я принес по его поручению... Вот! Старик протянул маленький сверток.

– Дайте мне. – Женщина выставила грязную ладонь. – Давайте, я передам.

– Пожалуйста, – сказал старик, шагнув вперед, но не выпуская свертка из рук. – Только я бы хотел и записочку... Где ее написать? Можно пройти в его комнату?

Женщина молча указала на дверь. Старик толкнул ее, вошел и оказался в маленькой комнатке с единственным окном, выходящим во двор. У стены стояла железная кровать, под нею – фанерный чемодан; возле окна – столик и табурет.

Старик уселся за столик, вынул блокнот и карандаш. Он не торопился, подолгу мусолил карандаш, аккуратно выводя букву за буквой. Женщина стояла в дверях наблюдая.

В коридоре что-то забулькало, зашипело.

– Кажется, пахнет горелым, – сказал посетитель, нюхая воздух. – Это не у вас?

Хозяйка охнула, метнулась к двери. Послышался грохот кастрюль, что-то упало и покатилося по полу...

Через минуту, когда женщина вновь появилась в дверях, старик сидел в той же позе, но уже не писал. Казалось, он находится в глубоком раздумье.

– Боюсь, что приятель напутает, – нерешительно проговорил он. – Что же делать?... Знаете, лучше я зайду позже и все объясню... Да, да, – так будет лучше. Когда он приходит?

– Кто его знает! – Хозяйка пожала плечами. – Вечером приходит, поздно...

– Ну и отлично. Вечером зайду.

И посетитель сунул сверток в карман. Женщина проводила его, захлопнула дверь. Слышно было, как загремели засовы и дважды повернулся в замке ключ.

Под вечер старик появился на вокзале. А через час с небольшим электричка доставила его на маленькую станцию. Отсюда было рукой подать до селения на берегу моря.

– Слава тебе, Всевышний! – прошептал старик, отпирая дверь небольшого домика, стоявшего на краю селения.

Он вошел, старательно запер за собой дверь и со вздохом облегчения опустился на кровать. Хотелось есть, мучила жажда, но не было сил встать, чтобы развести огонь, вскипятить чай и состряпать ужин.

Стемнело. Взошла луна. От окна протянулись по полу тусклые желтые полосы. С улицы послышалось мычание коров, блеяние овец и коз. Захлопали ворота, потянуло дымом. Сельчане убирали на ночь скотину, готовили пищу.

В каждом доме были свои радости и горести, интересы и надежды. Здесь, как и по всей стране, жили вестями с фронта. Шла весна тысяча девятьсот сорок четвертого года, и по мере того, как наши войска все дальше продвигались вперед, люди все с большим нетерпением ждали конца войны и желанного слова – победа!

Не ждал этого только старик.

Лет тридцать назад человек этот имел кое-какую торговлишку, служил некоторое время приказчиком на одном из нефтепромыслов богача Тагиева, несколько позднее состоял в контрреволюционной партии мусават и якшался с турками, когда те оккупировали Баку.

После революции он притих, затаился.

Так бы и прожил он жизнь мелким, незаметным служащим, если бы не пристрастился к картам.

Все началось с карт. Сначала он пытался сдерживать себя, не поддаваться азарту. Но вскоре игра захватила его. В два месяца он потерял все свои сбережения, которые накапливал много лет. За ними последовали вещи, спущенные старьевщику за бесценок. А когда не осталось и вещей, он, кассир крупного завода, стал брать деньги из сейфа. Надеялся, что повезет, но неизменно проигрывал: он и не подозревал, что партнерами его были шулера.

Между тем за ним давно наблюдали. И вот однажды (это было в канун ревизии, когда досмерти перепуганный кассир сидел на приморском бульваре, тщетно пытаясь собраться с мыслями) к нему подсел человек. Разговорились. Кассир поведал о своем горе. Неизвестный принял в нем живейшее участие.

Через два часа ошалевший от счастья кассир мчался на завод, бережно неся туго набитый портфель.

Дальше все обстояло просто. Агент-вербовщик германской разведки, получив от него кое-какие сведения о заводе, легко подавил слабое сопротивление вконец запутавшегося и деморализованного картежника. Действовал он наверняка, ибо знал кое-что и о прошлом кассира.

Так началась новая жизнь старика – жизнь предателя, изменника родины, провокатора и шпиона.

Много грязных дел было на его совести. И с каждым новым заданием он испытывал все больший страх. Чудилось, что за ним пришли, вот-вот схватят. Днем он еще держал себя в руках, сохранял способность спокойно ходить по улицам, говорить своим ровным, дребезжащим тенорком, даже улыбаться. Ночью же просыпался в холодном поту, с разламывающей от боли головой, полумертвый от приснившихся кошмаров.

Весть о начале войны застала его на улице. Люди стояли, сгрудившись у громкоговорителя. Какая-то женщина плакала. Он же боялся шевельнуться, чтобы не выдать радости, бушевавшей в груди.

– Все, – шептал он, сидя вечерами в своем домике за очередной сводкой с фронта, мысленно прикидывая, сколько еще немцам осталось до Баку. – Теперь их не остановит сам шайтан!

В эти минуты перед глазами его возникала цепочка тяжело груженных верблюдов. Позвякивая колокольцами, они неторопливо брели, высоко задрав головы... Дед его и отец всегда гоняли караваны в Персию, выгодно торговали. А чем он хуже их? Но караваны – чепуха. Караваны – это прошлое. Пароходы с доверху набитыми трюмами – вот настоящее дело! И – промысел, пусть даже небольшой нефтяной промысел, который он обязательно приберет к рукам!

Так он мечтал. Но теперь немцы проигрывали войну, и кошмары вновь стали посещать старика по ночам.

Работа агента научила его ничему не удивляться. И все же последнее задание ошеломило. Расшифровав радиограмму, он больше часа сидел за столом, не зная, что и думать. В

самом деле, кому и зачем могло понадобиться выдать советским властям такого же агента, как и он сам?

Мучимый сомнениями, он решил отложить выполнение задания, пока не получит подтверждения. Оно не замедлило последовать. Надо было действовать. В пятницу он отправился в город и в полдень был у касс кинотеатра «Баку». Как указывалось в радиограмме, по пятницам и субботам в этот час здесь в ожидании связного должен был находиться Александр Щуко. Старик опознал его по заплатанной крест-накрест брезентовой сумке, которую тот держал в левой руке, проследил, где живет Щуко. Затем вернулся к себе и разработал план операции.

Все это время он не переставал размышлять над причинами, которые побудили разведку выдать своего агента. И в конце концов решил: тот, второй, чем-то не угодил хозяевам. И это – возмездие, кара за непослушание. Он вздохнул. Да, видно, так уж устроено жизнью, что одни в ней – хозяева, другие – слуги. Одним определено командовать, другим – подчиняться.

Внезапно старика ошеломила мысль: выполняя приказ, сегодня он предал какого-то агента. Ну а завтра? Чей черед будет завтра?..

Старик с трудом поднялся на ноги. Сердце билось тяжелыми, неровными толчками. Глаза застилала пелена. Не хватало воздуха. Он едва добрался до окна и, теряя последние силы, толкнул раму. В комнату хлынул прохладный вечерний воздух. Он долго стоял, прильнув к стене, пока не прошла слабость.

Что это с ним происходит? Все чаще и чаще внезапные приступы удушья. И они, эти приступы, делаются продолжительнее, сильнее...

Спустя час старик пришел в себя, запер и зашторил окно, включил свет. Было поздно. Он сверился с часами, спустился в подполье, куда вел из кухни замаскированный лаз, нащупал в темноте тайник, извлек из него портативный передатчик и послал в эфир коротенькое шифрованное сообщение.

2

Полковник Азизов весь день занимался текущими делами, которых в его отделе всегда было великое множество. Однако мысленно он вновь и вновь возвращался к странному происшествию в трамвае. Он откладывал перо, откидывался в кресле, строил предположения, догадки...

Взгляд Азизова задержался на фотографии возле чернильного прибора. Молодая женщина и мальчик стояли на берегу моря, улыбаясь в объектив. Это были жена и сын Азизова. С началом войны, когда резко возросла служебная загрузка чекистов, полковник почти перестал бывать дома.

Зарифа попыталась воздействовать на его родительские чувства. Сын неделями не видит отца, тоскует. Другое дело, если бы Азизов находился далеко от семьи. Но раз он здесь – должен воспитывать ребенка.

Не помогло. Однако Зарифа не отступила. Мужу при той тяжелой работе, которую он выполняет, необходимо регулярно питаться. И вот теперь она ежедневно приезжает с едой и ждет внизу, а к полковнику звонит дежурный. Тут уж, хочешь не хочешь, а выберешь время, чтобы спуститься.

Вчера они провели в комнате дежурного полчаса. Он торопливо ел, она рассказывала. Зарифа старалась говорить весело, но в глазах ее была тоска. И Азизов обещал: завтра вечером, что бы ни случилось, он выберет время и приедет.

– Не напоминать? – спросила жена, убирая посуду.

– Слово мужчины!

– Ладно, поглядим, какое это слово, – сказала Зарифа.

...Сейчас было около десяти. Время ехать домой.

Азизов стал уже собираться, когда в дверь постучали.

Вошел майор Семин. Он принес документы об арестованном Щуко. Азизов просмотрел их. Ничего нового. Как же действовать? Много мог бы прояснить допрос самого Щуко. Однако Азизов полагал, что не следует торопиться с допросом. После рассказа Оруджевой он почувствовал некоторое удовлетворение – подтвердилась его догадка, что кража инсценирована. Одновременно то, что сообщила посетительница, запутывало дело. Кто же это такой – старик с седой бородкой, в темном костюме и коричневой каракулевой папаше, владелец замшевого бумажника? С какой целью подстроил он происшествие и передал Щуко в руки милиции? Быть может, мстит за что-то? Нет, вряд ли. Щуко прибыл в Баку недавно, каждый его шаг в этом городе известен, участники встреч сфотографированы, и Оруджева, которой показали их карточки, не опознала среди них Седобородого (так Азизов мысленно называл второго участника происшествия). Значит, не исключено, что Щуко его не знает.

А может быть, знает? Что, если Седобородый – такой же агент германской разведки, как и Щуко? Нет, это маловероятно. Если он и агент, то работает на какую-то другую разведку. Но – на какую? И с каких это пор иностранные разведки стали выдавать германских шпионов органам госбезопасности Советского Союза!

– Только что навел справку, – негромко проговорил Семин. – Магазин, в котором прикрепляла свои карточки Оруджева, и квартира арестованного находятся по соседству. Метров сто друг от друга. Так сказать, зрительная связь.

– И Седобородый наблюдал за домом, стоя в очереди? Хитро, ничего не скажешь.

– Когда будем допрашивать Щуко?

– Не будем.

Семин вопросительно взглянул на начальника.

– Не будем, – повторил Азизов. – Раз поймали вора, должен быть суд. Так пусть суд состоится. Преступника приговорят по соответствующей статье. А потом, при конвоировании в тюрьму, случится что-то такое, что даст ему возможность бежать.

– Понял, товарищ полковник. – Семин улыбнулся. – Но не исключено, что Щуко не знает того, второго.

– Седобородого?

– Да. Не знает, даже не подозревает о его существовании.

– Все равно. Пусть считает, что его приняли за вора.

3

Часы в углу кабинета пробили десять. Азизов поднялся, запер сейф, взял шляпу.

– Закончим разговор завтра. Утром прошу ко мне пораньше. А сейчас... – он улыбнулся, – сейчас я должен идти, ибо опаздываю на свидание.

Зазвонил телефон. Азизов снял трубку.

– Слушаю... Здравствуй, сынок. Да, обещал и скоро буду. И он дал отбой.

– Домой? – спросил Семин.

– Домой.

– А как же свидание?... А, понимаю! – Майор рассмеялся.

Машина медленно шла по пустынной улице мимо темных, без единого огонька, домов, очертания которых едва угадывались в ночи. Из репродукторов лилась музыка – негромкая, тревожная.

Автомобиль свернул к морю. Луна только что взошла. Каспий лежал в ее мягком свете большой, мирный, весь в мелких серебряных завитках.

Машина проехала набережную, притормозила у небольшого дома. Азизова ждали. Навстречу кинулся сын, за ним вышла улыбающаяся Зарифа. Они вошли в дом. И тотчас же зазвонил телефон. Жена взяла трубку.

– Тебя, – сказала она Азизову.

Полковник поднес трубку к уху. Говорил майор Семин. Он сообщил, что арестованный Щуко попытался совершить побег.

– Как это произошло? – Азизов присел на стул, расстегнул воротничок, ослабил галстук.

– Подробностей не знаю, не успел расспросить. Кто-то из офицеров открыл огонь...

– Убили? – Азизов встал.

– Ранили, товарищ полковник. Легко.

– Все равно плохо. – Азизов помолчал. – Где он находится?

– Там же, в отделении.

– Берите нашего врача, выезжайте. Я сейчас буду.

Он положил трубку и виновато посмотрел на жену.

4

Майор милиции Широков доложил Азизову о происшествии. Полковник раздраженно поморщился. Похоже было, что рухнули все планы. У преступника перебита нога. На какое-то время он обречен на неподвижность. Значит, не удастся осуществить комбинацию с побегом, чтобы и дальше наблюдать за связями Щуко.

– Можно устроить так, чтобы распространился слух, будто побег удался? – вдруг спросил он начальника отделения.

Широков был удивлен.

– Ну? – нетерпеливо повторил полковник. – Побег, мол, удался, и арестованный скрылся.

– Полагаю, что можно, – неуверенно ответил Широков.

– Слух должен быть распространен не только среди жителей окрестных домов, но и между работниками отделения. Конечно, не считая тех, которые были здесь во время происшествия. С ними придется поговорить особо. Вы понимаете меня?

– Так точно.

– Тогда действуйте.

Широков вышел. Проводив его взглядом, Азизов встал. Поднялся и Семин. Полковник обнял его за плечи.

– Поехали, Артемий Ильич, ко мне. Я, когда ты звонил, только в дом вошел. Но одним, так сказать, глазом успел стол оглядеть. Поверишь, сыр видел, долму видел! А по дороге потолкуем. Есть интересная мысль.

– А... работа? – неуверенно проговорил Семин.

– На час едем. На один час. Потом возвращаемся в отдел.

– Едем. – Семин улыбнулся, потер ладони. – Я, брат, знаешь, как долму люблю!

Глава третья

1

Обер-ефрейтор Герберт Ланге стоял в офицерском блиндаже и отвечал на вопросы своего ротного командира лейтенанта Шульца.

– Таким образом, вы, Ланге, были дневальным по взводу и дежурили в землянке вторую половину ночи?

– Да, господин лейтенант.

– Никуда не отлучались?

– Нет, господин лейтенант.

– И видели, как вернулся с поста ефрейтор Георг Хоманн?

– Так точно. Он сменился в два часа ночи, ввалился в землянку и стал расталкивать солдат, занявших его место на нарах.

– Ну, а дальше? – Лейтенант испытующе оглядел обер-ефрейтора, его квадратное костистое лицо, массивное туловище с прижатыми к бокам длинными, тяжелыми руками. – Что было дальше?

– Дальше? – Ланге чуть шевельнул рукой, шире раскрыл свои большие светлые глаза. – Я не знаю, что вас интересует, господин лейтенант.

– Вы ни о чем с ним не говорили?

Ланге облизнул губы, переступил с ноги на ногу, шумно перевел дыхание.

– Говорил, господин лейтенант.

– О чем же, Ланге?

– Да ведь он, Хоманн, только три дня как из отпуска. А мы с ним из одних и тех же мест...

– Остбург?

– Остбург, господин лейтенант.

– Гм... Так о чем же вы беседовали? Предупреждаю, обер-ефрейтор Ланге, говорить правду, не лгать! Учтите, мне кое-что известно.

– Господин лейтенант в чем-то подозревает меня? – На лице Ланге отразились удивление, растерянность.

– Нет, нет, – быстро сказал ротный командир.

Шульц имел основания верить Ланге – исполнительному и храброму солдату. Но ни в чем ведь нельзя было упрекнуть и ефрейтора Георга Хоманна. Тот тоже считался лучшим солдатом и, кроме того, недавно спас жизнь ему, Шульцу. А вот полчаса назад выяснилось, что Хоманн исчез, причем не просто исчез, а перебежал к русским!

По требованию лейтенанта Герберт Ланге доложил о своей беседе с Хоманном. Она была обычной – ефрейтор Хоманн рассказывал о поездке в Остбург. Там все по-прежнему. Только вот бомбят город здорово. И люди ходят злые.

– Господин лейтенант, – сказал Ланге, заканчивая свой рассказ, – при выезде жандармы предупредили Хоманна, чтобы он держал язык за зубами: ни слова о том, что делается в тылу. Поэтому прошу вас...

Лейтенант вздохнул.

– Идите, Ланге, – вяло сказал он. – От вас ничего не добьешься. Идите, мне надо побыть одному.

Отпустив солдата, Шульц расстегнул крючки воротника мундира, задумчиво подсел к столу. Да, все ошутимее признаки того, что дело близится к развязке. Уже первые солдаты перебегают на сторону противника. В германском тылу, который теперь день и ночь бомбят самолеты американцев, англичан и русских, все больше проклинаят войну, Гитлера, фашистов. Ну, а что дальше? Какова дальнейшая судьба Германии, немецкого народа, судьба самого Шульца?

Лейтенант Шульц встал, тряхнул головой, отгоняя невеселые мысли, неожиданно для самого себя грубо выругался. Он долго ходил по землянке, сильно затягиваясь сигаретой и бормоча проклятия. Затем, несколько успокоившись, подсел к телефону – надо было докладывать об исчезновении Хоманна.

Утром командир батальона майор Гаус зачитал перед строем подразделения приказ. Командир полка объявил, что ефрейтор Георг Хоманн, как дезертир из германского вермахта и предатель дела фюрера, лишается воинского звания, всех наград и прав. В случае поимки он подлежит расстрелу.

2

Хоманн благополучно переполз минное поле, прикрывавшее позиции германских войск, и теперь двигался по «ничьей» земле. Была ночь. Со стороны немцев то и дело взвивались в небо осветительные ракеты, заливая землю холодным голубоватым светом. Он был таким ярким, что проникал в каждую выбоинку и щель. Повисев в воздухе, ракеты устремлялись вниз, и тогда от деревьев и камней бежали резкие черные тени.

При каждой вспышке Хоманн распластывался на земле и ждал спасительной темноты, чтобы, изо всех сил работая коленями и локтями, продвинуться еще на десяток метров. Было морозно, но он не чувствовал холода. От его спины валил пар, с висков стекали струйки пота, заливая глаза и мешая глядеть. Хоманн продавил ладонью ледок во встретившейся на пути луже, поранил пальцы, но не заметил и этого. Он думал лишь об одном – быстрее миновать открытый и насквозь простреливаемый участок.

Впереди послышался шорох. Хоманн замер. Шорох повторился. На бугре мелькнула тень, за ней – другая, третья.

Хоманн тяжело задышал.

– Геноссе! – позвал он хриплым шепотом.

Тени перестали двигаться, шорох оборвался. Потом послышался металлический щелчок – будто взвели курок.

Мозг перебежчика лихорадочно работал. Сейчас, если он ничего не предпримет, наступит конец. Русские разведчики, – а в том, что это именно они, Хоманн не сомневался – вот-вот прошьют его автоматной очередью или угостят ударом ножа. Неужели же придется погибнуть, когда цель так близка? Скорее сделать что-то такое, что остановило бы советских разведчиков! Но – что?

Всё решали секунды. И Хоманн вдруг запел «Интернационал». Он пел, торопясь и волнуясь, с трудом переводя дыхание, захлебываясь и нещадно фальшивя, так что мелодию едва можно было узнать.

Прошло с полминуты. Он оборвал пение, прислушался.

– Ком хер! – негромко сказали из-за бугра. И добавили: – Хенде хох!

– Яволь, яволь, – торопливо зашептал ефрейтор. – Их комме!

Он отбросил в сторону автомат, двинулся вперед. Вот и бугор. Теперь Хоманн видел тех, к кому полз. Их было трое, в пятнистых халатах. Перебежчик уперся грудью в землю и попытался поднять вверх руки с растопыренными пальцами. Люди в халатах метнулись к нему.

...Через час старший тройки разведчиков докладывал о перебежчике своему командиру.

– Говорите, окликнул вас? – переспросил офицер, делая запись в блокноте.

– Первым окликнул, товарищ старший лейтенант!

– И – «Интернационал»?

– Пел, товарищ старший лейтенант. Поет, а сам, чувствую, дрожит.

– Тут задрожешь, – офицер усмехнулся. Хоманна ввели в землянку. Остановившись у двери, он вскинул голову, изо всех сил стукнул каблуками.

– Не хватает только «Хайль Гитлер»! – пробурчал старший лейтенант. – Кто вы? – спросил он по-немецки.

Хоманн назвал себя, сообщил номер полка и дивизии, где проходил службу.

– Так, – лениво сказал офицер. – А зачем пожаловали?

У Хоманна дрогнули губы. Он как-то обмяк, ссутулился.

Офицер подумал, что слишком уж грубо задал вопрос.

– Садитесь, – сказал он.

Хоманн грузно опустился на табурет. Командир разведчиков перехватил его взгляд, брошенный на пачку папирос.

Встряхнув пачку, он протянул ее Хоманну. Перебежчик поблагодарил кивком, но папиросы не взял. Он полез в карман, извлек деревянный портсигар, достал сигарету и закурил.

– Так зачем все-таки пожаловали? – повторил вопрос офицер. – Воевать не хочется?

Хоманн выпрямился.

– Нет, – сказал он. – Я еще повоюю!

Офицер поглядел на него с любопытством.

– Я коммунист, господ... простите, товарищ оберлейтенант! – Хоманн сделал паузу и закончил: – И думаю, что пригожусь.

Офицер насторожился. Он знал, что агенты, которых гитлеровцы забрасывают в тыл советских войск под видом перебежчиков, иной раз снабжаются даже документами членов Коммунистической партии.

– Коммунист? – сказал он, недобро усмехнувшись. – И документ имеете?

Хоманн встал.

– Конечно, я понимаю и ваш тон и ваше недоверие, – тихо произнес он, не поднимая глаз от дымившейся в руке сигареты. – Все это понятно, тут ничего не поделаешь. Но я прошу: проводите меня к вашему начальнику. – Хоманн поглядел офицеру в глаза, нервно повел плечом. – К вашему самому большому начальнику. Я должен сообщить нечто важное.

– Хорошо, – кивнул офицер. – Хорошо, вы будете говорить с начальником. Но это завтра. А пока садитесь и пишите: кто вы, откуда, зачем перешли на сторону советских войск, и все, что еще найдете нужным. Вот бумага, ручка, чернила. Не торопитесь. Вам не будут мешать.

И он вышел.

Разведчик, доставивший Хоманна, остался у двери.

3

На следующее утро перебежчик был отконвоирован к начальнику отдела контрразведки дивизии.

Навстречу Хоманну из-за стола поднялся высокий худощавый майор.

– Вы хотите сделать нам заявление? Слушаю вас.

– Это займет полчаса, быть может, больше. – Хоманн вытащил портсигар, вопросительно взглянул на офицера.

– Можете курить, – разрешил майор.

Хоманн поблагодарил, раскрыл портсигар и пододвинул майору.

– Не курю.

– Я не об этом. – Хоманн коснулся крышки портсигара. – Она клееная. Два слоя, понимаете? А в середине – первая страничка моего партийного билета. Подпись Эрнста Тельмана.

Майор раскрыл перочинный нож, протянул немцу.

– Нет, – Хоманн покачал головой. – Сам я боюсь это сделать. Клеили каким-то особым составом, намертво. И очень давно – девять лет назад. Лучше, если отошлете специалистам. Можете даже в Москву.

– Почему в Москву?

– Мне кажется, после того как я сделаю свое заявление, вы отправите туда и меня.

Майор высыпал на стол содержимое портсигара, закрыл его, оглядел мельком и отодвинул в сторону. Хоманн аккуратно собрал сигареты и уложил в карман кителя.

– Ну, я слушаю вас, – сказал майор.

РАССКАЗ ГЕОРГА ХОМАННА

Я родом из Гамбурга. Вы, конечно, слышали об этом городе. Он расположен в низовьях Эльбы, в сотне километров от Северного моря. Отец работал в порту – возил грузы на автокаре. Умер, когда мне было лет тринадцать. Мать вторично вышла замуж. С этим я примириться не мог – отец вечно стоял перед глазами, и было дико, что его место занял другой. Словом, ушел. Скитался по стране, несколько лет провел в Руре, кормился временной работой на шахтах – там, как я думал, всегда можно подыскать какое-нибудь занятие. Но потом работы не стало. И снова скитания. Дважды побывал в трудовых лагерях. Отделался дешево – в общей сложности продержали там не больше года. И вот – вернулся в родные края.

С работой было плохо, но мне повезло – гамбургскому муниципалитету требовался рабочий по очистке канализационных труб. Взялся и тянул лямку до тридцать седьмого года. В том году распространился слух, что в Остбурге (это тоже на Эльбе, но немного выше по течению) нужны рабочие на военный завод. Подался туда. На заводе делал мины, артиллерийские снаряды. К тому времени я уже лет двенадцать был членом компартии. Как уцелел от провала и остался на свободе? По правде говоря, не знаю. Быть может, потому, что не лез вперед, никогда не выступал. Вероятно, в этом вся суть. Словом, так или иначе – но уцелел. Имел работу, которая прилично оплачивалась, имел комнату, почти не пил. Короче, мог обзавестись семьей. Но остался холостяком. И сейчас даже рад этому... Так вот, началась война. Вскоре на мое место поставили какого-то поляка из восточных рабочих, а меня мобилизовали. Года полтора провел во Франции, затем проделал с Роммелем почти весь его африканский поход, едва унес оттуда ноги. Последние полгода был на Восточном фронте. Дней двадцать назад командир роты похвалил меня перед строем за то, что я предотвратил пожар в продовольственном складе, возле которого нес службу. Было объявлено, что мне предоставляется отпуск для поездки в тыл.

Возможно, отпуском я бы и не воспользовался – ехать-то, собственно говоря, было не к кому. Но случилось нечто, побудившее меня изменить решение. Дня за три до этих событий пришло письмо от приятеля. Зовут его Макс Висбах. Мы вместе работали на военном заводе в Остбурге, Макс и по сей день там... Он ко мне неплохо относился – раз даже выручил, когда мастер, которому я чем-то не угодил, настроил кляузу. О, Макс – сварщик высшей категории, с ним считается даже директор завода!

В письме Макса было только самое обычное: тот здоров, а тот заболел; погода такая-то; на заводе все по-старому. Но, читая, как говорится, между строк, я почувствовал, что

Макс чем-то озабочен, встревожен. В конце он писал: «Вот бы удалось тебе вырваться сюда на недельку». И я подумал: быть может, с ним стряслась какая-нибудь беда, и он нуждается в помощи, совете? Почему бы и не съездить в Остбург?

И вот я в Остбурге. В первую ночь мы с Максом проговорили почти до рассвета – благо назавтра ему предстояло работать во второй смене. На следующий вечер, когда мы поужинали и задымили сигаретами, Макс пододвинулся ко мне и, понизив голос, сказал, что хочет посвятить меня в одно необыкновенное дельце.

Вот коротко, что он мне рассказал. Однажды ночью, это было недели за три до того, как я получил отпуск, к нему постучали. Он уже спал. Стук поднял его с постели.

«Кто там?» – спросил он, подойдя к двери.

«Откройте, гестапо».

Макс, как и я, ненавидит нацистов. Правда, он не коммунист, но честен, прям и правдив, словом – настоящий рабочий. Так вот, услышав, что ночные гости – молодчики из гестапо, он притаился за дверь. Что делать? Бежать он не мог – квартира на четвертом этаже, и у нее лишь один выход – тот, у которого стоят гестаповцы. Дома у Макса ничего предосудительного не было. Поэтому он решил, что лучше всего, не мешкая, отпереть, показав тем самым, что хозяин квартиры не боится ни ареста, ни обыска, ибо совесть у него чиста. Макс так и поступил. Вошли трое в черных мундирах.

«Вы – Макс Висбах? – спросил гауптман. – Электросварщик с завода «Ганс Бемер»?»

«Он самый».

«Под водой приходилось работать?»

«Резать?» – в свою очередь спросил Макс, несколько растерянный.

«Резать и варить».

Макс сказал, что проходил службу во флоте и потому знаком с работой под водой.

«Хорошо. – Гестаповец распорядился: – Одевайтесь и едем».

Через несколько минут Макс и его провожатые уже садились в машину, поджидавшую у подъезда.

Сначала заехали на завод. Гестаповцы прошли к дежурному инженеру, и тот разрешил взять из кладовой два сварочных аппарата и баллоны с газом. Все это погрузили в багажник автомобиля.

«Вперед!» – скомандовал гауптман, сядя рядом с шофером.

Двое других офицеров уселись сзади, по бокам Макса. Автомобиль тронулся. Гестаповцы подняли толстое матовое стекло, отделявшее кабину пассажиров от водителя, задернули занавески на окнах. Макс оказался в передвижной тюрьме. Он понял, что его везут на важный объект, местонахождение которого хотят сохранить в тайне. Макс рассудил также, что убивать его по окончании работы, видимо, не собираются. В противном случае гестаповцы не стали бы предпринимать столько предосторожностей.

Поездка длилась часа два. Вначале машина кружила по улицам Остбурга, потом выехала за его пределы – увеличилась скорость, меньше стало поворотов. Последние километры автомобиль шел медленно, то и дело переваливаясь с боку на бок и подсакивая, будто поперек дороги были положены бревна. Макса осенила догадка: они двигаются по лесной тропе, и автомобиль швыряет на вылезших из-под земли корнях старых деревьев. Об этом говорил и приглушенный шум, который стал доноситься откуда-то сверху, – так в ветреную погоду шумит лес...

Наконец машина остановилась. Максу завязали глаза. Поддерживаемый гестаповцами, он вылез. Теперь, когда мотор автомобиля заглох, шум леса слышался отчетливо. Ко всему Макс ощущал еще и аромат хвои.

Его взяли под руки и повели, а какие-то люди (он ясно слышал топот ног) подбежали к автомобилю и открыли багажник.

Несколько десятков шагов Макс сделал по земле.

«Осторожнее, – сказал один из спутников, – здесь лестница».

Спуск продолжался долго. Когда он закончился, Максу разрешили снять с глаз повязку. Макс стащил ее и невольно зажмурился. Он находился в круглой, ярко освещенной комнате со сводчатым потолком. Пол слегка подрагивал под ногами. Откуда-то доносился приглушенный рокот.

Через люк Макс и гестаповцы спустились еще ниже, теперь уже по узкой винтовой лестнице, и оказались на длинном балконе, огороженном металлическими перилами. Под балконом был большой квадратный провал – шагов сорок в длину и столько же в ширину. В нем бурлила вода. У Макса было такое ощущение, что вода медленно прибывает.

К Максу и его спутникам подошел человек в форме генерала СС.

Гауптман доложил, что сварщик с аппаратурой для работы доставлен.

«Этот?» – спросил генерал, кивнув на Макса.

Он взял Макса за плечо, указал вниз.

«Там, под водой, металлическая стена, – сказал генерал. – Сталь, и очень крепкая. Стена ограждает помещение от воды. Но где-то образовалась трещина или пробоина... или еще черт знает что! Спуститься вниз, под воду, и ликвидировать повреждение – сможете?»

Макс, ошеломленный тем, что открылось его глазам, пробормотал:

«Выходит, воды здесь не должно быть?»

«Не разговаривать! – закричал генерал, находившийся, видимо, в большом нервном напряжении. – Да или нет?»

Макс подумал, что будет уничтожен, если откажется от работы. Он ответил, что должен спуститься под воду и осмотреть повреждение. Генерал что-то сказал стоявшему рядом офицеру. Тот ушел и вскоре вернулся с несколькими военными, которые несли водолазный костюм, каучуковые шланги, моток веревки, небольшую помпу для подачи воздуха, а также сварочные аппараты и баллоны, которые привезли в машине спутники Макса.

Через четверть часа Макс, облаченный в скафандр, погрузился в воду.

Опустившись метра на три, он нащупал дно, сделал несколько шагов против течения – и внезапно провалился еще глубже. Теперь встречный поток воды казался мощнее. Макс продвигался, напрягая все силы. Наконец он очутился возле стальной стены, о которой говорил генерал СС. Вода отбрасывала его назад, но он все же добрался до стены и ощупью двинулся вдоль нее. Ага, вот она, трещина! Ухватившись за ее край и лежа почти горизонтально в потоке бившей навстречу воды, Макс изучал повреждение. Оно было серьезно. Разошлись края двух заваренных встык стальных листов. Длинной трещина была около метра. Напор воды выгибал листы, и они расходились все больше. Нечего было и думать, чтобы наложить заплату на поврежденное место и приварить ее: вода так давила, что не удалось бы даже приблизить заплату к трещине. Подумав, Макс пришел к выводу, что единственный выход – это приварить к обеим сторонам трещины прочные скобы, а уж по ним надвинуть на поврежденное место стальную задвижку. Ее можно будет прихватить по краям и затем намертво соединить со стеной.

План ремонта был составлен. Пятясь, Макс стал отступать от стены и скоро уперся спиной в выступ. Позади оказался большой ящик из светлого металла. На ящике что-то белело. Макс приблизился и разглядел этикетку. На полоске плотной белой бумаги были заметны буквы – уже расплывавшиеся. Он с трудом разобрал: «Винница, № 12». Над этим ящиком оказался второй, этикетка которого гласила: «Львов, № 5». Макс сделал десяток шагов в сторону, убедился, что ящиков много. Они были уложены в несколько ярусов.

Вот, оказывается, в чем дело! Макс понял, что находится в одном из тайников, о которых до сих пор ему приходилось лишь слышать. Как утверждали, в таких тайниках руковод-

ство НСДАП, гестапо, абвера и других учреждений фашистов хранит ценности или важные документы. В этом тайнике были ящики с грузом, вывезенным из Советского Союза.

Макс дал сигнал, чтобы его поднимали, и вскоре оказался наверху. С него сняли шлем. Он попросил, чтобы позвали генерала. Тот явился и одобрил предложенный Максом план. Оказалось, что гестаповцы уже подготовили к работе сварочные аппараты, доставили листы и полосы стали.

Макс принялся за дело. Часов через пять все было закончено. И тут, наваривая последний шов, Макс подумал, что у него очень мало шансов остаться в живых: он слишком много знает. Надо было найти средство обезопасить себя.

Поднявшись наверх, Макс сказал:

«Господин генерал, получилось очень удачно, что вызвали именно меня. Смею уверить: в нашем городе такой работы не сделал бы никто другой. Откачайте воду, а через недельку привезите меня сюда еще разок. Надо будет взглянуть, как ведет себя пластырь, не следует ли его укрепить».

Так Макс дал понять фашистам, что он, высококвалифицированный сварщик, может пригодиться. По этой ли причине или по какой другой, но его не тронули, доставили в город и отпустили, наказав держать язык за зубами.

Макс подчеркивает: ранним утром, когда он возвращался, солнце было впереди – матовое стекло, разделявшее автомобиль на две части, казалось розовым от пронизывавших его солнечных лучей. Вывод: автомобиль шел с запада на восток. А к западу от Остбурга – Эльба. Значит, тайное хранилище на ее берегу. Теперь прибавьте ко всему и лес, помните. Макс слышал шум деревьев, а затем ощутил и запах хвои?.. Так вот, в районе Остбурга хвойный лес лишь в одном месте.

Вот что рассказал мне Макс Висбах. Потом, помолчав, он вдруг спросил:

«Ты коммунист, Георг?»

Этот вопрос не застал меня врасплох. С Висбахом мы близки, всегда были откровенны, он знал о моих взглядах. Единственное, что я скрывал – это свою принадлежность к партии. Но он, конечно, догадывался, хотя из деликатности помалкивал. И в тот день я открылся. Я понимал, куда он метит. И не ошибся. Висбах сказал:

«О тайнике должно узнать командование советских войск. Я долго думал, как это сделать. Выход один. Ты, Георг, перейдешь к русским. Будь я на твоём месте, поступил бы именно так. Клянусь тебе в этом».

Мне нечего было возразить... Макс был прав. И вот – я здесь.

Глава четвертая

1

Ночь старик провел плохо. Он лег поздно, был сильно утомлен пережитым за день и никак не мог уснуть. Видимо, перенервничал. Пробило час ночи, два часа, три, а он все ворочался в постели, вздыхал, кашлял, что-то бормотал. Наконец, отчаявшись заснуть, сел в постели, спустил на холодный глиняный пол тонкие ноги с уродливо вспухшими подагрическими коленями, потянулся к выключателю, зажег свет.

За окном мерно шумело море. Но вот к ровному и привычному голосу Каспия стал примешиваться тихий скользкий шорох. Он все усиливался, нарастал. И вскоре по кровле, по окну, по широким листьям инжирowego дерева, росшего у входа в домик, забарабанил крупный дождь. С моря донесся отдаленный удар – будто пушка выстрелила. Это в прибрежных скалах разбился первый штормовой вал.

Старик прошлепал босыми ногами к окну, проверил запоры, потом забрался на постель и, закутавшись в одеяло, просидел так до утра.

Рассвет застал его совсем больным. Он сполз с кровати, зажег керосинку. Сейчас дочь соседки должна принести бутылку молока.

Ага, вот и она: у дома слышались шаги. Старик отпер дверь, взял молоко, перелил в кастрюлю и вернул бутылку.

– А деньги? – сказала девочка.

– Иди, иди, завтра получишь. – Старик запер дверь, нагнулся над керосинкой.

Скоро молоко было выпито, завтрак, состоявший из сваренного накануне картофеля, съеден.

На душе у старика было беспокойно, – задание он выполнил неточно. Радиограмма требовала, чтобы тот, в ушанке, был передан в руки органов государственной безопасности, а не милиции.

Правда, старик предпринял для этого кое-какие меры, но вдруг в милиции, не разобравшись, выпустят арестованного на свободу?..

Он понимал: хозяева всегда стремятся перепроверить сообщение своих агентов. Такую работу случалось выполнять и ему самому. Что, если и на этот раз будет предпринята подобная проверка, да еще выяснится, что тот, в ушанке, ускользнул!.. В этом случае Седобородого могут заподозрить в попытке надуть своих хозяев. Тогда наступит возмездие. А он знает теперь, каким бывает это возмездие! Нет, нет, действовать в ближайшие же часы, немедленно. Он должен убедиться в том, что все получилось как надо.

Надев сорочку, Седобородый раскрыл гардероб. Там висел синий костюм, в котором он ездил вчера в город. Он подумал и закрыл дверцу – инстинкт подсказывал, что сейчас следует одеться по-другому.

Через час Седобородый был в городе. Вскоре он оказался на улице, где помещалось отделение милиции, в которое вчера повели задержанного, и с равнодушным видом прошел мимо. Неподалеку была какая-то лавчонка, далее – парикмахерская. Быть может, зайти туда, потолкаться?.. Нет, не стоит. А что это на противоположной стороне? Старик прищурился и прочитал грубо намалеванную вывеску: «ЧАЙХАНА».

Он сделал еще несколько шагов. Ну конечно же он был как-то раз в этой чайхане. Помнится, хозяин заведения любит поговорить. Пожалуй, то, что нужно...

Старик неторопливо пересек улицу, толкнул дверь под вывеской, вошел. Он оказался в комнате с чисто выметенным полом, белоснежными стенами и потолком, с аккуратными занавесочками на окнах. В дальнем углу стояли на скамьях два больших медных самовара. Чуть поодаль был прилавок со стеклянным коробом, в котором в прежние времена хранились, вероятно, печенье, сахар и сласти, а теперь, в трудную военную пору, сиротливо лежала жалкая кучка слипшегося зеленого монпансье.

Под стать чайхане был ее заведующий – аккуратный старичок в чистом белом фартуке. Мельком взглянув на посетителя, он нацедил стакан чаю, кинул на блюдечко несколько конфеток. Все было сделано быстро, ловко. Седобородый еще только занимал место у окна, а чай уже стоял на столике.

– Салам алейкум, – сказал посетитель, кивком поблагодарив за чай.

– Алейкум салам. – Чайханщик с достоинством поклонился, смахнул полотенцем крошки со стола и ушел к себе в угол.

Старик придвинул стакан и принялся за чай. Сделав несколько глотков, он достал из кармана газету и углубился в чтение.

Скоро чай был выпит. Посетитель поднял голову и сделал чайханщику знак принести еще. Когда тот поставил на стол новый стакан, клиент был поглощен чтением. Он взволнованно цокал, качал головой, явно заинтересованный какой-то заметкой. Чайханщик проследил за пальцем, которым старик водил по газетным строкам, усмехнулся.

– Ну, что скажете? – воскликнул он. – Обокрал квартиру, хозяйку чуть не задушил. Хорошо, поймали негодяя. Война, а он, сын собаки, чем занимается! Расстреливать надо таких.

– Да-а, – протянул старик, – поймали. Сейчас много краж. Вот шел по улице, встретил знакомого. Рассказывает: вчера в трамвае бумажник у пассажира вытащили.

– Было такое дело, – сказал чайханщик. – Сам видел.

– Сам видел? – переспросил Седобородый.

Чайханщик приподнял на окне занавеску, кивнул на здание милиции.

– Туда вора привели. Вчера там сидел.

– Сидел? А сейчас?..

– Бежал. – Чайханщик вздохнул, скорбно поджал губы. – Бежал, джанум, как джейран мчался по улице. Ночью это было. Стреляли.

– Попали?

– Какие тут стрелки, джанум! Всех порядочных на фронт отправили. Здесь калеки остались. Третий сорт.

Чайханщик хотел сказать еще что-то, но из-за прилавка вылез мальчик.

– Дядя, – сказал мальчик, – почему ты...

– Убирайся, – с неожиданной резкостью прервал его чайханщик. – Убирайся отсюда, сын шакала и гиены!

– Но, дядя! – Мальчик (ему было лет десять) прижал руки к груди, весь подался вперед. – Я хочу, чтобы...

– Кому я сказал! – Чайханщик, не на шутку рассерженный, замахнулся полотенцем.

Мальчик смолк и растерянно отошел в сторону. Заведующий чайханой обернулся к посетителю, улыбнулся.

– Так вот, уважаемый гость, и сбежал этот ублюдок. Сбежал и всех оставил в дураках.

Старика вдруг охватила тревога. Она была очень смутной, агент не знал еще, откуда идет опасность, но отчетливо ее ощущал. Надо было уходить. Он встал, будто отыскивая что-то в кармане.

– Табак, – сказал он в ответ на вопросительный взгляд чайханщика. – Забыл дома кисет.

Заведующий чайханой вытащил и раскрыл большую жестяную коробку. В ней желтел табак.

– Пожалуйста, джанум, гвардейский табачок, достал сегодня целую пачку.

– Нет, – качнул головой Седобородый, – курю только махорку. Легкий табак нутро не принимает. Эй, сынок, – кликнул он мальчика, – за углом, я видел, махорку продавали, сбегай, а?

И он протянул ребенку деньги. Тот взял их и выбежал на улицу.

Чайханщик и посетитель поговорили еще минуты две. Потом Седобородый взглянул на часы, заторопился.

Объяснив, что опаздывает, он расплатился и вышел. Стараясь не спешить, старик двинулся в ту же сторону, куда побежал мальчик.

Вот и угол. Мальчишка должен быть где-то здесь. Так и есть, Седобородый увидел его возвращающимся без покупки.

– Дядя, – сказал мальчик, – я нигде...

– Ничего, ничего, – ласково сказал Седобородый. – Нет махорки – и ладно, потерплю. Деньги оставь себе – в кино сходишь... Ты, кстати, что-то хотел рассказать там, в чайхане?

– Да.

– Так говори, говори, милый. – Он погладил ребенка по голове. – Говори, мой хороший.

– Почему это он так... про милицию? – Мальчик нахмурился, стиснул кулачки. – Поймали же вора!

У Седобородого стало сухо во рту. Он побледнел и вынужден был опереться на плечо ребенка.

– Не убежал? – прошептал он.

– Что вы, дядя! Один лейтенант ка-ак дал из пис-толета!..

– Убил?

– В ногу попал. Ранил. Тут другие прибежали, схватили... А я, понимаете, только услышал...

– Хорошо, хорошо, сынок. – Старик вновь ласково провел рукой по волосам ребенка. – Я тороплюсь, дел у меня много. Иди и ты.

И он двинулся по улице, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, – так велик был охвативший его страх.

2

Коротко прозвонил телефон. Полковник Азизов снял трубку. Говорил начальник отделения милиции Широков. Он сообщил о посетителе чайханы, расположенной по соседству с отделением. Чайханщик знал, как надо отвечать тем, кто заинтересовался бы вчерашним происшествием. Но все дело испортил мальчик, племянник чайханщика. Ребенок вступился за честь милиции, и посетитель, видимо, почуяв неладное, успел уйти.

Азизов спросил:

– Старик? Синий костюм, коричневая папаха?

– Старик, но не в костюме, а в светлой тужурке и в фуражке.

– Что предприняли?

– Все приведено в действие, товарищ, полковник. Ищем.

Азизов положил трубку. В кабинет вошел Семин.

– Закончили обыск, товарищ полковник.

Безрезультатно, за исключением этого. – Он положил на стол большой конверт.

Азизов извлек из него сложенную вчетверо, газету, развернул и увидел на полях колонку цифр.

– Думаете, шифровано?

– Возможно.

Полковник позвонил. Вошел секретарь.

– В лабораторию. – Азизов кивком указал на газету. – В лабораторию и на дешифровку.

Попросите, чтобы поторопились.

Секретарь взял конверт с газетой и вышел.

Семина сказал:

– Установлено, что вчера на дом к Щуко приходили.

– После того как он был арестован?

– Да, тотчас же после этого. Старик. Квартирная хозяйка впустила его в комнату жильца. Он возился там с четверть часа, писал Щуко записку. Но записки не оставил, передумал. Сказал, что зайдет позже, вечером.

– И не появился?

– Нет. Полагаю, Седобородый.

– Обратите внимание на такую деталь: старик пришел тотчас же после ареста Щуко.

Сразу после ареста. Почему?

– Он мог рассуждать так: Щуко арестован, но допросить его еще не успели. Следовательно, сейчас не приходится ждать обыска квартиры. Туда можно идти, не рискуя напороться на оперативников.

Азизов согласно кивнул.

– Просто поразительно, как этот Седобородый заинтересован в Щуко, – пробормотал он. – Вот послушайте.

И Азизов рассказал помощнику об эпизоде в чайхане.

Семина сказал:

– Приходил проверять.

– То-то и оно. – Азизов поморщился, тряхнул головой. – А мы такой возможности не угли. Готовились встретить в доме Щуко, а он появился возле отделения.

Вечером лаборатория прислала заключение. На газете были обнаружены следы пальцев. Их сличили с дактилоскопическими отпечатками арестованного Щуко. Они не сошлись. Лаборатория исследовала записки на полях газеты. Цифры были написаны короткими, отрывистыми движениями пера. Эксперты сличили их с почерком Щуко, но к единому мнению не пришли.

Несколько позже поступили данные от дешифровальщиков. Запись и в самом деле оказалась шифрованной. Ее разгадали без особого труда. Текст гласил: «Прибыл благополучно. Жду посылного с грузом».

– С грузом, – задумчиво повторил Азизов. Внезапно он встал, повысил голос: – А не думаете ли вы, майор, что вся эта история с найденной газетой и шифрованным текстом – чепуха? Да, да – чепуха и ничего больше. Он-то думал, что скушаем и это.

– Он?

– Седобородый.

– Полагаете, газета его?

– Сегодня я вновь внимательно изучил донесения сотрудников, которые «сопровождали» Щуко от места, где он приземлился на парашюте, до нашего города. Прочтите на досуге, интересно. Щуко раза три мастерски околпачил офицеров на контрольно-пропускных пунктах. А они народ бывалый, много видели. И вот сейчас меня хотят уверить в том, что этот опытный агент сунул себе в чемодан газету с шифрованным текстом. Какая чепуха!

– И ведь зашифровано-то не так, чтобы очень уж ловко, – задумчиво проговорил Семина.

Через день полковник Азизов и майор Семин направились в больницу, где лежал арестованный Щуко. Оба были в белых халатах. Азизов шел, заложив руки за спину, Семин нес большой портфель свиной кожи.

Войдя в палату, Азизов огляделся. Чистенькая, с ковриком у кровати и тумбочкой, она бы ничем не отличалась от помещений для больных в обычных лечебных учреждениях, если бы не часовая у двери и другой – за окном.

Полковник придвинул к кровати табурет, сел. Семин устроился рядом, неторопливо отщелкнул замки портфеля.

– Приступим, – сказал Азизов. – Арестованный Щуко, мы пришли допросить вас. Задаю первый вопрос...

Щуко шевельнулся в кровати, приподнялся на локте.

– Но меня уже допрашивали. Я все сказал.

– Задаю вам вопрос, – повторил Азизов. – Скажите, арестованный Щуко, есть ли у вас в Баку враг? – Он усмехнулся. – Конечно, мы с майором и те, что арестовали вас, а потом поймали при попытке к бегству, – все мы не в счет. Личный, так сказать, враг у вас имеется?

– Нет. – Арестованный закрыл глаза, откинулся на подушке. – Никаких врагов у меня нет. И оставьте меня в покое. Я признался, подписал, что требовалось. Судите – воля ваша, наказывайте по закону.

– За воровство? Точнее, за мелкую карманную кражу? – В голосе Азизова звучала такая откровенная ирония, что Щуко смолк и напряженно поджал губы.

– Хочу предупредить, – продолжал Азизов. – Вас допрашивает полковник государственной безопасности.

Арестованный молчал. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, и только его большой кадык пульсировал под тонкой кожей, будто Щуко хотел проглотить что-то и не мог.

– Значит, непонятно, – резюмировал Азизов. – А раз так, надо пояснить. Вас встречали, когда вы изволили выпрыгнуть на парашюте и приземлялись.

Азизов взял у Семина пачку фотографий, стал перебирать их.

– Пожалуйста. Вот – вы приземляетесь... А это – закапываете парашют... Еще фото: садитесь в поезд, и у вас проверяют документы... А это вы уже в Баку.

Разговаривая, Азизов одну за другой передавал Щуко фотографии. Тот молча рассматривал их.

– Некоторые фотографии заставили нас потрудиться – было темновато. Но ради вас постарались – как видите, снимки получились неплохие.

Азизов собрал карточки, отбросил в сторону.

– Ну, рассказывайте.

Щуко с усилием повернулся в кровати, пожал плечами.

– Я вас не понимаю, гражданин начальник. Путаєте вы что-то. Пришить мне дело хотите. А не выйдет.

– Рассказывайте, – повторил Азизов, не меняя ровного, спокойного тона.

– Вор я, – сказал Щуко. – Вор, понимаете? И точка.

– Точку успеем поставить, – с угрозой проговорил Азизов. Он взял у Семина конверт. – Сообщаю, что в вашей комнате, той самой, которую вы снимали у вдовы Суховой... так, кажется, ее фамилия?

– Сухова, – кивнул Семин.

– Так вот, в этой квартире, в вашей комнате был произведен обыск. И в принадлежащем вам чемодане найдена газета.

Щуко пожал плечами.

– Возможно. Человек я грамотный, газеты почитываю. Даже книжками балуюсь.

– Но на газете шифрованная запись!

Щуко удивленно шевельнулся, и это не укрылось от следователей.

– Запись, – повторил Азизов, – вот поглядите.

Он развернул газету, показал арестованному.

– Не моя, – быстро сказал Щуко. – Первый раз ее вижу. И писал не я. Проверьте почерк – не я.

Азизов, словно не слыша, продолжал.

– Запись расшифровали. Она гласит: «Прибыл благополучно. Жду посыльного с грузом». Вот, можете поглядеть сами. Это – запись, а это – ключ к шифру. Так-то, арестованный Щуко.

– Гражданин следователь, – Щуко сел в кровати, схватился за голову, – правду вам говорю: в глаза не видел этой газеты!

– Зачем пожаловали?

Арестованный смолк.

В дверь постучали. Азизов недовольно обернулся. Семин встал и отпер. Минуту он слушал кого-то, стоявшего за дверью, затем вернулся.

– Вас, товарищ полковник, – сказал он.

Азизов вышел. В коридоре стоял сотрудник.

– Товарищ полковник, только что сообщили: в маленьком селении, вот здесь, – сотрудник развернул карту и показал, – обнаружен труп старика. Умер дома. Внезапная смерть. Кажется, сердце. При осмотре помещения наткнулись на ход в подполье. Там нащупали тайничок и в нем – приемо-передающую радиостанцию большого радиуса действия. Питание подключено – недавно пользовались. Старик был...

Азизов прервал сотрудника.

– Вызывайте машину. И звоните, чтобы ничего не трогали. Пошлите на место экспертов, фотографа. Мы выезжаем.

Он вернулся в палату, задал арестованному еще несколько вопросов. Не получив на них ответа, прекратил допрос.

Десять минут спустя Азизов и Семин мчались в автомобиле к маленькому селению на берегу моря.

3

Умерший лежал ничком на полу, выбросив руку и подогнув ногу – будто полз. Он был в нижнем белье. Кровать находилась в сильном беспорядке – тюфяк съехал набок, обнажив часть ржавой сетки, простыня и одеяло были скомканы, подушка валялась на полу.

Все это тотчас же отметили Азизов и Семин. Они внимательно оглядели комнату, прошлись по ней, осмотрели запоры на окнах.

– Когда наступила смерть? – спросил полковник дежурившего в помещении сотрудника.

– Труп обнаружили в начале восьмого утра. У соседей есть корова, и старик ежедневно брал молоко. Приносила его девочка, соседская дочка. Она пришла и сегодня...

– Понятно, – перебил Азизов. – Как обнаружили рацию?

– Врачу, который прибыл констатировать смерть, показалось странным: на столе раскрытый Коран, рядом лист бумаги с группой цифр. Война, люди насторожены, вот он и дал знать в милицию. Оттуда приехали, вызвали специалистов...

– Кораном пользовались, чтобы зашифровать сообщение?

– Так точно. Видимо, старик работал, почувствовал себя плохо, прилег; ему стало хуже, пополз к окну. Не добрался.

– Причина смерти?

– Паралич сердца... Так вот, обнаружив шифровку, стали искать средства связи. Тогда-то и нащупали лаз в подполье и тайничок.

Азизов не дослушал. Семин, разглядывавший что-то в углу, обернулся, кивком подозвал начальника. Полковник подошел и увидел на вешалке каракулевую папаху.

– Коричневая, – сказал Семин.

Азизов кивнул.

– А... синий костюм? – Он беспокойно оглянулся.

Семин прошел к гардеробу, который находился в противоположном конце комнаты, отпер дверцу.

– Есть?

– Есть.

– Карманы! – сказал Азизов.

Семин обыскал одежду. Из внутреннего кармана висевшей на спинке стула тужурки он извлек и передал полковнику желтый замшевый бумажник.

Азизов облегченно вздохнул.

– Хорошо, – сказал он. – Распорядитесь, чтобы сюда для опознания трупа были доставлены вдова Сухова и заведующий чайханой.

– Ясно. – Семин вышел.

Азизов подошел к подоконнику, уселся, достал папиросы и закурил. Несколько минут он находился в раздумье, вертя в руках обожженную спичку, потом, видимо, приняв решение, позвонил сотруднику.

– Фотограф?

– На месте, товарищ полковник.

– Слушайте внимательно... лучше запишите, это очень важно. Значит так: наденьте на покойника сорочку, синий шевиотовый костюм, что висит в шкафу, и вот ту папаху, на вешалке, видите?.. Затем посадите его на стул и сфотографируйте. С нескольких ракурсов. Он должен быть как живой. Пусть снимок подретушируют, но чтобы все получилось как надо.

– Понятно, товарищ полковник.

Азизов поглядел на часы.

– Потом положите покойника на пол в прежней позе. Снимки жду в два часа дня.

– Ясно. – Сотрудник торопливо заканчивал запись.

В середине дня Азизов и Семин вновь отправились в больницу.

Азизов продолжал допрос.

– Арестованный Щуко, занимаясь вашим делом, я не раз спрашивал себя: почему кому-то вздумалось пристать к вам в трамвае, обвинить в краже, поднять скандал, вызвать милицию?

– Но я же вытащил бумажник!

– На минуту согласимся с этим. Допустим, что вы говорите правду и действительно совершили кражу. Но вот ведь как странно ведет себя потерпевший. То он вопит на весь трамвай и, вцепившись в вас, тащит в милицию, то вдруг исчезает, когда вас арестовывают. Чем вы объясните, что потерпевший не явился в отделение милиции?

– Не знаю.

Азизов вынул только что доставленную фотографию Седобородого, протянул арестованному.

– Он?

– Да, – сказал Щуко, – это тот самый человек, у которого я стащил бумажник.

– Рад, что узнали его. А теперь не хотите ли, чтобы я объяснил, почему он сбежал?

Щуко молчал.

Азизов переглянулся с Семиным. Тот достал из портфеля фотографии десятка мужчин, разложил в ряд на двух сдвинутых перед кроватью табуретах, прошел к двери.

– Введите гражданку Сухову.

В комнату вошла квартирная хозяйка Щуко.

– Вы знаете эту женщину? – спросил Азизов арестованного.

– Да.

– Вы снимали у нее комнату?

– Да.

– Ну а вы, гражданка Сухова? Знаком вам этот человек?

Сухова подтвердила: это тот самый гражданин, который временно у нее поселился.

– Скажите, гражданка Сухова, к вам приходили в тот день, когда вы последний раз видели своего жильца?

– Ко мне – нет.

– А к кому?

– К нему. – Сухова показала пальцем на лежащего.

– Кто именно приходил?

– Старик какой-то.

– Когда?

– Утром. Часов в одиннадцать.

– Заметьте, Щуко. – Азизов сделал паузу. – Приходил в одиннадцать часов, то есть тотчас же после того, как вас отправили в отделение. – Он вновь обратился к женщине: – И что же произошло дальше?

– Старик попросился в комнату жильца, сказал, что должен написать записку своему дружку. Ну, я ипустила...

– Впустили куда? Говорите точнее.

– Впустила того старика в комнату гражданина Щуко.

– Давайте уточним: старик сам просился в комнату Щуко?

– Сам... Ну, вошел он, сел за стол, принялся писать. А потом передумал...

– Простите, что перебиваю. Вы все время были с тем стариком? Быть может, отлучались?

– Каша у меня чуть не сгорела. Я и сбегала на минутку – прикрутить газ.

– Выходит, старик в течение минуты один находился в комнате гражданина Щуко?

– Да, не меньше минуты.

– Вы слышите, арестованный Щуко? Старик был один в вашей комнате – целую минуту.

– А потом он ушел, – продолжала Сухова. – Сказал, что после зайдет.

– И не приходил?

– Нет.

– Какой он из себя, этот старик?

– Обыкновенно, какой. Старый. Ну, папаха коричневого каракуля, костюм...

– Узнали бы его, если б встретили?

– Отчего не узнать.

Семин, стоявший перед табуретами с разложенными фотографиями, посторонился, указал Суховой на карточки.

– Нет ли здесь, среди этих снимков, карточки того старика?

– Вот он. – Сухова кивнула на одну из фотографий.

– Возьмите эту карточку в руки и покажите вашему квартиранту.

Женщина подняла с табурета фотографию Седобородого.

– Спасибо, – сказал Азизов. – Вы свободны, гражданка Сухова.

Семин вышел проводить женщину, вернулся, подсел к кровати.

Азизов сказал:

– Теперь, Щуко, вы, я надеюсь, поняли, почему этот человек не явился в отделение милиции. Все еще не понимаете? Тогда объясню. Он торопился в вашу комнату, чтобы успеть подбросить в ваш чемодан вот эту газету с зашифрованной записью.

– Почему? – вдруг выкрикнул Щуко, приподнявшись на локтях, побагровев от напряжения. – Почему?

Азизов пожал плечами.

– Потому что он такой же агент иностранной разведки. И – выдал вас. Сначала инсценировал кражу в трамвае, поднял скандал и добился того, что вас схватили. Затем пробрался к вам на квартиру и подбросил газету. Расчет простой. Раз вас задержали – будет обыск. Тогда найдут газету с зашифрованной записью. Запись расшифруют, органы советской контрразведки поймут, с кем имеют дело. И уничтожат агента. То есть – вас.

Арестованный криво усмехнулся.

– Грубо работаете, гражданин следователь. Старуху купили. Этого седого – тоже. И газету подбросили. Липа, начальнички. Липуете, полковник. А я не серый, на липу меня не возьмешь.

– Липа, говорите? – Азизов встал. – Майор Семин, вызывайте машину. – Он обернулся к Щуко. – Готовьтесь, сейчас поедem.

Щуко прищурил глаза.

– Начальничек нервничает... Уж не к старичку ли везете? – Он указал подбородком на фотографию Седобородого.

– К нему самому. Только вряд ли это доставит вам удовольствие.

4

Машина полковника Азизова второй раз за день проделала путь от Баку до селения на берегу моря. Шофер с конвоиром подхватили Щуко и понесли в комнату.

Там все оставалось без изменений. Только труп, лежащий на полу, был покрыт простыней.

Арестованного усадили на стул, подставили под больную ногу скамеечку. По знаку Азизова простыню сняли и перевернули труп лицом вверх.

Щуко вскрикнул.

– Узнали, стало быть, – сказал Семин.

Полковник Азизов подозвал сотрудника.

– Принесите все, что нашли в тайнике.

Сотрудник внес в комнату узел, поставил на стол, распаковал. Там оказалось два металлических ящика с переключателями и шкалами.

– Смотрите, Щуко, – сказал Азизов, – это передатчик. А ящик поменьше – батареи к нему. Видите, провода соединены? Значит, питание подключено.

Азизов повернул рычажок. Щелкнул фиксатор, осветилась шкала настройки рации. Вскоре в наушниках послышалось легкое потрескивание.

– Все в порядке, работает. – Азизов поднес наушники к Щуко, дал послушать и выключил передатчик. – Позавчера хозяин этой рации передал вас в руки советской контрразведки, затем побывал в вашей квартире и подбросил газету с шифром. Он вернулся сюда, уверенный, что вам теперь крышка. Вернулся и включил этот передатчик. В эфир пошло сообщение о том, что вас больше не существует. Так сказать, поручение выполнено. Чье поручение, Щуко? Очевидно, поручение ваших хозяев. Кто же еще мог навести на вас этого старика!

Щуко сидел, сгорбившись, не отрывая глаз от какой-то точки. Он молчал. Ему не мешали. Так прошло несколько минут. Наконец он поднял голову.

– Уведите меня отсюда, – попросил он.

Вечером к Азизову явился майор Семин. Он доложил: из больницы передали, что арестованный Щуко просит прийти полковника Азизова.

– Не выдержал, – усмехнувшись, проговорил Семин.

Азизов пожал плечами:

– Он не дурак и не хочет лишиться себя последнего шанса.

...Наутро Азизов и Семин направились к арестованному. Увидев их, Щуко приподнялся в постели:

– У меня вчера сломали кость ноги, гражданин следователь, – сказал он.

Азизов, опешив, смотрел на арестованного. Семин, повернулся к двери, собираясь идти за врачом.

– Подождите, – остановил его Щуко, – вы не так поняли... Кость сломали врачи – рентген показал, что она стала неправильно срастаться. Сломали – потом соединили как надо – и снова в гипс.

Щуко откинул край одеяла и показал свежий гипсовый футляр, в котором покоилась нога.

Семин опустился на табурет. Азизов сунул руку в карман за папиросами.

– Так что вы хотите? – спросил он раздраженно..

– Я... – Щуко взволнованно облизнул губы. – Раз врачи меня так... Даже рентген...

– Короче!

– Меня, значит, не расстреляют? – Щуко затаил дыхание, широко раскрытыми глазами впился в лицо Азизова.

– Этого я не знаю, арестованный Щуко, – сказал полковник. – Вашу судьбу будет решать суд. Видите ли, шпион, пойманный с поличным в военное время...

– Делаются ведь исключения!

– Исключения бывают. Но вы должны знать, что для этого нужны очень веские основания. Конечно, если человек чистосердечно признался и, кроме того, сообщил интересный материал...

– Я расскажу все, что знаю!

– Словом, – продолжал Азизов, – если материалы следствия могут помочь советскому командованию, тогда, конечно, следствие имеет право возбудить ходатайство. Вы понимаете меня?

– Да, да, гражданин следователь, – Щуко говорил торопливо, нервно. – Спрашивайте, и я буду отвечать. Я верю вам, вы...

– Бросьте кривляться, – оборвал его Азизов. – Говорите, если у вас действительно есть что сказать.

– Спрашивайте, гражданин следователь. Я на все отвечу.

– Прежде всего фамилия, – сказал Семин. – Ваша настоящая фамилия?

– Отто Лисс.

– Других фамилий нет?

– Только эта и... Щуко.

– Немец?

– Да.

– Где проходили подготовку?

– Гамбург. Точнее не Гамбург, а городок несколько выше по течению Эльбы.

– Какой?

– Остбург. Собственно, не сам Остбург, а усадьба близ него. Километров десять к юго-западу.

Отто Лисс подробно рассказал о школе, в которой проходил подготовку, о ее руководителях, о полученном задании. Он должен был организовывать диверсии на промышленных предприятиях, в частности вывести из строя крупнейший нефтеперерабатывающий завод. Лиссу были сообщены адреса двух явок. Однако обе явки оказались проваленными. Агенту едва удалось установить это и благополучно уйти.

Азизов усмехнулся:

– За вами же наблюдали, Лисс. И о школе в Остбурге мы кое-что знаем. Словом, пока вы не сообщили ничего нового.

Лисс молчал.

– Почему вас не снабдили взрывчаткой?

– Должны прислать. Было условлено, что как только устроюсь, свяжусь...

– Чепуха. – Азизов встал. – У вас же не было передатчика.

– Он имелся на явке.

– Быть может, у Седобородого?

– Нет, об этом человеке я никогда ничего не слышал. Я говорю правду, гражданин следователь.

– А он, Седобородый, знал вас и притом великолепно. Почему?

– Думаете, предал меня по заданию... оттуда?

– Вы и сами так думаете.

– Меня забрасывали дважды – во Францию и в Польшу, и оба раза удачно. – Лисс потер лоб. – И вот теперь... Нет, ничего не понимаю! Неужели то, что вы говорите, правда? Не могу поверить...

– Да. Вас предали свои же.

– Тогда, тогда... – Лисс вдруг напрягся, вцепился руками в край одеяла. – Я раскрою вам одну тайну. Это очень важно. Я узнал о ней совершенно случайно!..

РАССКАЗ ОТТО ЛИССА

Как я уже говорил, подготовку к выполнению задания проходил в Остбурге. Подробности вам известны. Когда все было закончено, я получил несколько свободных дней. Затем меня должен был забрать специальный самолет.

Днем я не показывался в городе, вечером же это разрешалось. С наступлением темноты я отправлялся куда-нибудь в порт. Там много кабаков, где можно приятно провести время.

В последний перед вылетом вечер я приехал в порт в обычное время. И нос к носу столкнулся с человеком, которого знал еще в молодости, но давно потерял из виду. То был Карл Брейер, довольно видный член НСДАП, в прошлом крейслейтер¹ одного из районов Тюрингии, затем руководитель какого-то отдела в крипо², а сейчас, как я узнал, штандартен-фюрер СС и сотрудник СД³.

Мы никогда не питали друг к другу особых симпатий. Но так бывает – два земляка, встретившись в чужом городе, всегда испытывают чувство близости. А я и он не имели в Остбурге знакомых.

¹ Крейслейтер – руководитель местной организации фашистской партии (НСДАП).

² Крипо – уголовная полиция в гитлеровской Германии.

³ СД – служба безопасности в гитлеровской Германии.

Спустя полчаса мы сидели в ночном кабаке. Бренчал пианист. Несколько пар танцевали. Мы выпили. Я посоветовал спутнику отыскать себе девицу и тоже стать в круг. Он молча указал на левую руку. Тут я заметил, что она странно неподвижна.

«Ушиб, – пояснил он, – сильный ушиб. Словом, не до танцев».

Я вопросительно на него поглядел, но он ничего больше не сказал.

Впрочем, скоро он стал более разговорчив. В кабаке оказался отличный ром и бенедиктин, мы порядочно выпили, и Брейер стал хвастать своими делами. Он ткнул себя пальцем в грудь, на которой болтался новенький «железный крест», и заявил, что третьего дня получил его лично из рук рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

«За что?» – спросил я.

Брейер хитро ухмыльнулся:

«Видишь ли, причин много. Но главная – это операция с архивами».

Я недоуменно пожал плечами, не понимая, о чем идет речь. Он пояснил: в оккупированных районах Советского Союза, так же как в Польше, Чехословакии и других странах, были созданы многочисленные отделы и отделения гестапо, абвера и СД. За время оккупации в них накопилось большое количество архивов. Ценность этих архивов огромна. Когда началась эвакуация на запад, поступило строжайшее предписание – архивы вывезти на территорию рейха и сохранить в специально оборудованных тайниках.

«И эту операцию проводил ты?»

«Не всю... – Брейер замялся. – Словом, я вывез большой транспорт архивов из группы городов России».

«Ну а рука? – не унимался я. – При чем здесь рука?»

Брейер не ответил.

Время бежало. Было уже далеко за полночь, а мы все пили. О поврежденной руке Брейера я больше не спрашивал – мне, собственно, это было ни к чему. Пил и чувствовал себя великолепно. Я полагал, что и он не думает ни о чем, кроме вина. Однако ошибся. Брейер, окончательно опьяневший, вдруг наклонился ко мне, обнял за плечи, зашептал:

«Верись, я чуть было не погиб... Представь, кругом вода, чувствую, что захлебываюсь, тону и ничего не могу поделать, чтобы спастись»...

«Но ты же цел и невредим», – сказал я.

Брейер кивнул, налил себе большую рюмку, выпил.

«Цел, конечно, – сказал он, – но это происшествие обошлось мне недешево. Вообрази: ты в подземном хранилище, куда сложили эти самые архивы; идут последние работы по укладке в штабеля больших, наглухо запаянных металлических ящиков; привозят новую партию груза в обычной упаковке – дерево и бумага, его надо переложить в металлическую тару... И вдруг – грохот, крики! Старая Эльба сыграла с нами шутку – воды ее протаранили стальную стену, ограждавшую хранилище с запада, и устремились к ящикам. Тогда-то я и заорал. Я был вне себя от страха. Вспоминаю об этом – и по спине ползет холодок. Ведь, если бы вода уничтожила архивы, кто-нибудь из помощников Гиммлера, присутствовавших в хранилище, разрядил бы в меня свой пистолет. Почти не соображая, я кинулся в воду и, напрягая все силы, стал вытаскивать ящики, которые только что принесли. А их уже заливали темные пенные струи... Там я и повредил руку».

Брейер еще долго рассказывал о происшествии, приводил многочисленные подробности. Сболтнул он и о месте, где устроен тайник. Вы помните, Брейер говорил: «Воды протаранили стальную стену, ограждавшую хранилище с запада». Так вот, это почти на десять километров западнее Остбурга. Там лес, берег Эльбы.

Глава пятая

1

На рассвете с одного из подмосковных аэродромов поднялся транспортный самолет, имея на борту двух пассажиров. Один был полковник Рыбин, другой – его помощник – майор Керимов.

В тот год, когда Аскер Керимов закончил среднюю школу, ему не было еще семнадцати лет. Свой дальнейший путь он определил твердо: учеба в индустриальном институте, диплом химика. Кроме того, он будет продолжать совершенствоваться в немецком языке, который изучал с детства.

И вдруг – крутой поворот в жизни. Он получил повестку из военкомата. Прибыл по вызову. Его принял подполковник, – Аскер и сейчас помнит его волнистые черные волосы, контрастирующие с ними голубые глаза, высокий, с залысинами, лоб. Подполковник оказался не военкомом, а представителем органов госбезопасности. Аскеру было сделано предложение поступить в одно из специальных училищ. Он был озадачен. Стать чекистом? Он ведь ничего не умеет! Подполковник усмехнулся и пояснил, что чекистами не рождаются – ими становятся, их воспитывают, долго и тщательно готовят.

К своему удивлению, Аскер обнаружил, что собеседник многое знает о нем – о его страсти к языкам, об увлечении футболом, даже о прыжке на парашюте с самолета, который Аскер совершил год назад.

– Но главное, – сказал подполковник, – что серьезен, честен, хорошо учился. – Он помолчал. – Ведь твой отец один из тех, кто устанавливал советскую власть на Кавказе. Так кому же защищать ее, как не его сыну!

Войну Аскер встретил лейтенантом, сотрудником органов госбезопасности в Баку. Затем – Москва, работа по переводам и дешифровке трофейных документов. Рапорты с настойчивой просьбой отправить на фронт. И наконец – служба в армейской контрразведке и разведке.

Новая работа позволила Аскеру хорошо изучить повадки врага. Во время одной из вылазок в ближний тыл гитлеровцев Аскер попал к партизанам. Там оказался пленный офицер СС. Возникла мысль – воспользоваться документами эсэсовца. И Керимов был заброшен в глубокий тыл противника. Трудная операция прошла успешно. Добытые сведения помогли обезвредить группу вражеской агентуры, орудовавшую в Советском Союзе.

...Сейчас Аскер вновь служил в Москве. Полковник Рыбин и он летели в Баку, чтобы на месте разобраться в некоторых вопросах, связанных с показаниями агента Отто Лисса о тайнике с архивами германской секретной службы.

Рыбин и Керимов расположились на узенькой алюминиевой лавочке, привинченной к полу кабины.

– Вздремнем, майор, – сказал полковник Рыбин. Он привалился к борту кабины, поднял воротник пальто, надвинул на лоб шапку, глубоко засунул руки в карманы: было холодно.

Рыбин был лет на пятнадцать старше Керимова возрастом и на два десятилетия – стажем работы в органах государственной безопасности. В памятные январские дни 1924 года, когда страна хоронила Ленина, вагоновожатый московского трамвая Орест Рыбин явился в партийную ячейку депо и положил на стол секретаря исписанный лист бумаги.

Секретарь прочитал и молча спрятал бумагу в папку, лежавшую на краю стола. Рыбин успел заметить, что в папке уже скопилось немало бумаг, и каждая, как и принесенная им, начиналась со слова «заявление».

– Ну, как? – сказал он, наклоняясь к секретарю. – Примут меня?

– Обсудим.

– Нет, ты сейчас говори. – Рыбин зашел за стол, оперся на него руками. – Я теперь же знать должен.

– Обсудим, – повторил секретарь.

Секретарь и Рыбин работали в одной бригаде. Здесь же, в депо, трудились отец и старший брат Ореста. Секретарь хорошо знал всех троих, а со старым слесарем Иваном Рыбиным был в давних приятельских отношениях. Он был уверен: семья Рыбиных – это надежные люди, настоящая рабочая косточка. На них можно положиться. Но сейчас он как-то поновому смотрел на стоявшего перед ним юношу. Большие голубые глаза, в которых всегда жила лукавая смешинка (Рыбин слыл в депо первым весельчаком и острословом), теперь суровы, в них застыли и скорбь и немой вопрос; губы сжаты так, что побелели; шея, плечи, руки напряжены.

– Волнуешься? – сказал секретарь.

– Да ответь же, – не выдержал Рыбин. – Не томи!

– Ладно. – Секретарь помедлил. – Думаю, примем.

– Тогда – вот. – Рыбин полез за пазуху, вынул вторую бумагу. – Я ведь не только в партию хочу. В партию – главное. И это... главное!

В новом заявлении Орест Рыбин просил партийную организацию направить его на работу в органы ОГПУ, чтобы, как он выразался, «не давать спуску контре, давить гадов, из-за которых погиб товарищ Ленин и которые замахиваются на всю советскую власть».

...Так было в тот памятный год. Двадцать лет службы в органах государственной безопасности, – и сейчас полковник Рыбин по праву считался одним из лучших офицеров управления.

– Ну, вздремнем малость, – повторил он, пытаясь лучше устроиться на жестком сиденье.

– Попробуем, – отозвался Аскер.

– Впрочем, я бы прежде чего-нибудь пожевал, – проговорил Рыбин. – Есть хочется отчаянно. Черта б съел!

– Говоря по чести, я тоже.

Вчера чекисты закончили свою работу во втором часу ночи, и тогда выяснилось, что надо срочно лететь в Баку. Руководство управления заинтересовалось показаниями Лисса, кое-какие данные свидетельствовали о том, что он мог сказать правду. Надо было срочно допросить агента, изучить его показания, сопоставить их с имеющимися сведениями, перекрыть материалами из других источников.

– Поезжайте, – сказали Рыбину и Керимову, – поезжайте и подумайте на месте. О многом вы осведомлены лучше, чем местные товарищи, сможете помочь полковнику Азизову. Машина уже заказана и ждет. Выезд на аэродром немедленно.

Так случилось, что Рыбин и Керимов отправились в путь не поужинав.

Аскер распаковал небольшой сверток. В нем оказался хлеб и несколько кружочков копченой колбасы – все, что удалось захватить. Офицеры поели...

Истекал третий час полета. Машина уже миновала Сталинград и взяла курс на Астрахань, когда в пассажирскую кабину вошел радист. Он был озадачен, молча протянул Рыбину радиogramму.

Полковник прочитал: «КОМАНДИРОВКА ОТМЕНЯЕТСЯ тчк НЕМЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ тчк ЛЫКОВ».

2

Отправив радиogramму, генерал Лыков поднял трубку телефона, стоявшего поодаль от других аппаратов.

– Слушаю, – раздалось в трубке.

– Докладываю: полковника Рыбина и майора Керимова отозвал.

– Хорошо. – Трубка помолчала. – Если свободны, зайдите.

Лыков собрал со стола бумаги, запер их в сейф и вышел в приемную. Сидевший там офицер встал. Лыков сказал:

– Пошлите на аэродром машину: полковник Рыбин и майор Керимов возвращаются.

– Есть, товарищ генерал.

– А я к начальнику.

Офицер кивнул.

Лыкова принял мужчина лет шестидесяти – высокий, худощавый, большеглазый, с густыми темными волосами, едва тронутыми сединой. Он указал Лыкову на кресло и, когда тот сел, пододвинул коробку папирос.

– Спасибо. – Лыков взял папиросу. – У вас сложилось какое-нибудь определенное мнение, Алексей Ильич?

– Нет... Распорядились, чтобы Отто Лисса доставили сюда?

– Да, как вы и приказали.

– Хорошо. Завтра, видимо, будет и тот, перебежчик. – Начальник взглянул на лежащую перед ним бумагу. – Георг Хоманн.

– Сложная история, – задумчиво сказал Лыков.

– Сложная. Полагаю, не будете возражать, если обоим поручим Рыбину и Керимову?

– Нет, разумеется. – Лыков пододвинул к себе пепельницу, осторожно стряхнул в нее пепел с папиросы. – Вот только хотелось бы...

– Говорите.

– Видите ли, Алексей Ильич, надо бы как следует прояснить Отто Лисса. Все предпринять, буквально все!..

– Вы же знаете, это невозможно.

– Понимаю, но...

– И потом, при всех обстоятельствах верить ему трудно. Давайте думать о другом, о Хоманне.

– Здесь выход один.

– Какой?

– Я навел справку. На том участке фронта сейчас затишье. Наши войска будут молчать, вероятно, еще недели две. Нет данных, чтобы и немцы затевали какие-либо операции в ближайшие дни.

Начальник усмехнулся.

– Поразительно, – пробормотал он.

– Не понимаю.

– Я говорю: поразительно, как иной раз могут одинаково мыслить люди. Все еще не понимаете? Но вы ведь предлагаете организовать специальную группу и забросить ее в тыл той самой дивизии «Тейфель», откуда перебежал Хоманн, не так ли?

Лыков кивнул.

– Группа должна добыть пленных из батальона, а еще лучше из роты, где служил перебежчик, – продолжал развивать свою мысль начальник. – Так ведь?

Лыков вновь кивнул.

– И это нужно, чтобы допросить пленных и установить, что за птица Хоманн. Я правильно вас понял?

– Именно так.

– Значит, хорошо. – Начальник хитро прищурился. – Могу сообщить: полчаса назад такое задание отправлено на фронт.

– Алексей Ильич, надо его задержать! – Лыков встал.

– Почему?

– Дело слишком сложное и деликатное, чтобы без нашего наблюдения... Словом, хочу направить туда майора Керимова.

Начальник тоже встал.

– Что ж, – сказал он, – вы правы.

– Так я – на аэродром, встречу его, все объясню и отправлю немедленно?

– Езжайте. В штаб армии будет передано, чтобы без Керимова ничего не предпринимали.

3

Прошло три недели. Апрель был на исходе. Поздним вечером Аскер вышел из кабины лифта, отворил дверь приемной. Сидевший там офицер поднялся, крепко пожал ему руку.

– С возвращением, – сказал он.

– Спасибо. – Аскер покосился на дверь кабинета полковника Рыбина.

– Нет его, – сказал офицер. – У Лыкова сидит. Приказал и тебе туда идти, как явишься.

Аскер кивнул, поспешно вышел.

Генерал Лыков и полковник Рыбин поздравили Аскера с выполнением задания. Лыков подвел его к креслу, усадил.

– Рассказывайте, майор.

– Против интересовавшего нас подразделения работали два десанта. Танки вышли на фланги третьего батальона, отвлекли на себя огонь. Десантники, которых они несли на броне, атаковали немцев в лоб. В эти же минуты в тылу батальона приземлились парашютисты.

– Таким образом, смогли изолировать батальон?

– Почти, товарищ генерал. В последний момент противнику удалось накрыть несколько танков минометным огнем. Образовалась брешь, в которую ушли две роты. Точнее, остатки этих рот. Не случись этого, пленных было бы гораздо больше.

– Где находились сами?

– На КП командующего армией, как мне и было приказано.

– Так. – Лыков помедлил. – Ну а кого привезли?

– Девятнадцать человек, в том числе двух офицеров, товарищ генерал.

– Все из третьего батальона?

– Да.

– Как везли?

– Люди друг с другом не общались.

– Хорошо.

– Я забыл сказать, товарищ генерал: среди пленных – ротный командир перебежчика Хоманна.

– Взять командира батальона не удалось?

– Десантники рассказывали: ушел в последний момент. Бежал на мотоцикле офицера связи.

– Жаль. – Лыков задумался, медленно перебирая лежавшие на столе бумаги.

– Начальнику армейской контрразведки я передал ваш приказ, товарищ генерал: немедленно докладывать, если в их руки попадут пленные из третьего батальона.

Лыков рассеянно кивнул.

– Мать звонила, – негромко сказал Рыбин.

Аскер вздрогнул, выпрямился.

– Что там?..

– Да все в порядке, чудак-человек. Просто, беспокоилась. Ну, я и сказал: не волнуйтесь, сынок ваш пребывает в добром здравии, в командировке находится, скоро вернется.

Аскер кивком поблагодарил Рыбина. Тот набросал на клочке бумаги несколько слов, пододвинул записку офицеру. Аскер прочитал:

«Вечерком, как освободишься, зайди на часок ко мне домой, чайку напьемся и – в шахматы. Буду ждать».

Аскер поднял голову, встретился глазами с Рыбиным, улыбнулся.

Лыков оторвался от бумаг, подозрительно оглядел офицеров.

– Что-то вы замышляете, – пробормотал он. – А ну, выкладывайте!

Рыбин и Аскер промолчали. Лыков взял записку, просмотрел, чуть отодвинул в сторону. Тень пробежала по его лицу. У Рыбина семья была здесь, в Москве. У Аскера имелась мать, хотя и далеко отсюда. У Лыкова же не было никого. Пять лет назад он похоронил жену, а спустя два года лишился сына.

Рыбин знал это. Он понял состояние генерала.

– Может, и вы заглянете, Сергей Сергеевич? – осторожно спросил он.

– Не знаю... Не знаю, как со временем. Впрочем, почему бы и не посидеть часок втроем, а? – Лыков неожиданно улыбнулся.

Рыбин вздохнул, переглянулся с Аскером.

– А теперь о деле. – Генерал вдруг насупился. – Майор Керимов, вам уже известно, что показаниям Отто Лисса и Георга Хоманна придается серьезное значение. Настораживает, что показания этих двух людей, попавших к нам разными путями и на различных участках, тем не менее абсолютно тождественны. Что из этого следует?

Аскер сказал:

– Можно предположить, что они говорят правду.

– Можно. – Лыков кивнул. – Вот поглядите, это выборка из показаний перебежчика Хоманна. Смотрите: Гамбург, затем городок, расположенный выше по течению Эльбы, на правом берегу – Остбург. Далее – район западнее Остбурга, на берегу реки, в хвойном лесу. Теперь показания агента Лисса. И здесь – Гамбург, затем Остбург и в заключение лес, берег Эльбы.

– Все совпадает, – задумчиво сказал Рыбин.

– Абсолютно все. – Аскер беспокойно потер кулаком переносицу. – Даже стальная стена в хранилище. Смотрите, и о ней говорят оба.

– Перебежчик и агент доставлены в Москву. – Лыков пристукнул карандашом по столу. – Так сказать, ждут вас, майор.

– Я бы хотел сначала поработать с теми, кого привез, – сказал Аскер.

– Не возражаю. – Лыков взял лежавшие на столе бумаги. – Действуйте, как найдете нужным, только придется поторопиться. Времени в обрез. Для нас с вами нет сейчас ничего более важного, чем поиск и изъятие этих архивов.

– Понимаю, – Аскер кивнул.

– Архивы, о которых идет речь, – это несомненно данные об агентуре, которую немцы оставили на востоке; это документы о том, что творили фашисты на нашей земле. Ценность их колоссальна. Они должны быть в руках нашего обвинения, когда Гитлера и его шайку посадят на скамью подсудимых.

Аскер встал.

– Разрешите приступить к работе?

– Да. – Лыков тоже поднялся. – И учтите: архивы интересуют не только нас с вами. Ими занимаются разведки м-м... некоторых государств. Поэтому торопитесь и торопитесь. Дать кого-нибудь в помощь?

– Нет, товарищ генерал, пока не надо.

Глава шестая

Истекли сутки с тех пор, как Аскер прибыл в этот затерянный в лесах Подмосковья лагерь военнопленных, где изолированно от прочих пленных и друг от друга содержались те, кого он привез с фронта. Сутки! Все это время он вел допрос. В его кабинете побывало уже около десятка бывших солдат и унтер-офицеров того самого третьего батальона, но он ни на шаг не продвинулся вперед. Все те, с кем он разговаривал, были удивительно похожи. Да, они служили в третьем батальоне мотострелкового полка дивизии «Тейфель». За время службы были свидетелями двух чрезвычайных происшествий – самоубийства писаря Фогеля и дезертирства ефрейтора Георга Хоманна. Что собой представляет Хоманн? Обычный солдат, каких тысячи. Впрочем, он умнее многих, ибо перешел на сторону русских добровольно и, следовательно, может рассчитывать на лучшую долю по сравнению с той, которая ожидает их, попавших в плен. Только три недели назад Хоманн как примерный солдат побывал в краткосрочном отпуске в родном городе, а теперь приказом командира полка, который всем им зачитали перед строем батальона, объявлен изменником, лишен воинского чина, всех прав и наград, подлежит поимке и расстрелу. Вот, в сущности, все, что они знают о Хоманне, ибо в батальоне служат недавно – зачислены всего три месяца назад при переформировании полка.

Аскер внимательно выслушивал пленных, задавал и другие вопросы, не имевшие отношения к Хоманну: свою заинтересованность перебежчиком он старался не выказывать.

Следователь видел: пленные охотно отвечают на вопросы. Показания их примерно одинаковы. Сговориться они не могли, так как изолированы друг от друга. Значит, сообщают правду.

Конечно, Аскер имел возможность допросить командира роты, в которой служил Хоманн. Но с этим он не спешил. Надо было поговорить сперва с рядовыми. Допрос солдат должен был прояснить, что представляет собой командир и как надлежит вести с ним дело.

О ротном командире лейтенанте Шульце Аскер узнал: требователен и строг, но справедлив, по пустякам не взыскивал, солдат жалел. И еще: Георг Хоманн был уволен в отпуск по ходатайству Шульца.

Аскер почувствовал, что его охватывает дрема. Он встал из-за стола, походил по кабинету, разгоня сонливость, выкурил папиросу. В окно была видна часть территории лагеря с несколькими большими строениями для жилья. Возле одного из них группа пленных резала широкой пилой толстые березовые поленья. Другая группа возилась у только что врытого столба, утрамбовывая вокруг него почву. Еще один пленный, нацепив «кошки», карабкался по столбу, держа в руках большой серебристый громкоговоритель.

Отворилась дверь дальнего строения. Из нее вышел немец и за ним конвоир. Это вели на допрос очередного пленного.

Аскер прошел к столу, застегнул пуговицы на воротнике гимнастерки, пригладил волосы, сел.

Вскоре в коридоре послышались шаги. Вслед за тем дверь отворилась, конвойный ввел пленного. Аскер оглядел стоявшего у порога человека, сделал знак конвоиру удалиться. Пленный – пожилой человек, коренастый и чуть кривоногий, тяжело шагнул вперед, к стоявшему посреди комнаты табурету, зацепился обо что-то ногой и едва не упал. Он смутился, покраснел. Оказавшись возле табурета, сесть не решился, вопросительно поглядел на советского офицера.

– Садитесь, – сказал Аскер.

Немец сел, положил на колени тяжелые руки с коротко остриженными ногтями, провел языком по губам и вздохнул. Искоса он посматривал на следователя. По ту сторону стола

стоял высокий статный офицер. Зачесанные назад светлые с рыжинкой волосы открывали большой лоб, из-под которого поблескивали спокойные серые глаза. Пленный отметил хрящеватый, с едва заметной горбинкой нос, чуть широкие скулы, твердый подбородок. Гимнастерка ладно облегла атлетический торс, широкий пояс туго стягивал тонкую талию. Все в облике офицера свидетельствовало о силе, энергии, здоровье, и пленный неожиданно для самого себя улыбнулся.

Аскер чуть сощурил глаза, медленно опустился на стул.

– Ваше имя? – спросил он.

Хриплым, простуженным басом пленный сказал, что его зовут Герберт Ланге.

– Чин?

– Обер-ефрейтор.

– Обер-ефрейтор, – повторил Аскер, делая запись в протоколе. – Где служили? Назовите дивизию, полк, батальон и свою должность.

– Дивизия «Тейфель», мотострелковый полк, третий батальон, первая рота, первый взвод.

Аскер насторожился: из первой роты был и Георг Хоманн.

– Хорошо, – сказал он. – Теперь о партийной принадлежности. Вы член НСДАП?

– Нет, – покачал головой Ланге. – И никогда не был.

– Тогда, быть может, вы коммунист?

Пленный шумно вздохнул и вновь покачал головой.

– Я и не коммунист. – Он помедлил и как бы с сожалением повторил: – Да, я не коммунист, господин офицер. Я беспартийный человек. Но беспартийные бывают разные. Есть люди, имеющие твердые убеждения и принципы. А есть болтуны и тупицы. Я принадлежу к числу последних.

– Ого! – усмехнулся Аскер. – Сказано довольно сильно.

– Это как вам будет угодно, – повел плечом пленный. – А говорю так потому, что сочувствовал социал-демократам и, как это ни печально признавать, на собственных плечах привез к власти Адольфа Гитлера и нацистов.

– Каким же это образом? – спросил Аскер, которого стал забавлять этот необычный допрос.

– Я, разумеется, был не один. Идиотами оказались все те, кого прельстили бредни наци о великой миссии германского народа на земле. А таких, увы, было немало...

– Немало, – согласился Аскер. – Ну а сейчас каковы ваши взгляды? Они что, переменялись?

– Да.

– Под влиянием того, что вы попали в плен?

В вопросе звучала откровенная ирония. Ланге покраснел и опустил голову.

– Нет, – пробурчал он. – Плен тут ни при чем. Дело в другом, совсем в другом.

– В чем же?

– В другом, – повторил Ланге. – Во всем виноваты очень хорошие люди, которых мне довелось встретить на своем пути,

– Кто же они?

– Их было трое, господин офицер... Очень разные, но очень хорошие люди. Один остался там, в Германии. Я бы назвал его имя, да вам оно ни к чему.

– А все же.

– Это Лотар Фиш, могильный сторож.

– Кладбищенский, вы хотите сказать?

– Да-да, кладбищенский. Простите меня. – Ланге смутился. – А язык вы знаете лучше, пожалуй, чем я...

– Так чем знаменит кладбищенский сторож Фиш?

– Ничем, господин офицер. Просто это – человек, который открыл мне глаза на многое. Когда-то, в годы моего детства, которое прошло в Гамбурге, он был лодочником. Хорошо знал отца. Нянчил меня, на руках носил... Потом пропал. Уехал. И вот, много лет спустя, я встретил его в Остбурге. Случайно встретил. Мы хоронили кого-то из друзей, и на кладбище вдруг я вижу старого Лотара Фиша! Там же, на кладбище, его сторожка. Он бобыль, живет обособленно. Я остался у него ночевать. И мы скоротали время до утра, сидя за кружкой пива. Помнится, это было в 1938 году, да-да – осенью тридцать восьмого... И знаете, что предсказал Фиш? Войну Гитлера против вашей страны!

– Любопытно, – усмехнулся Аскер.

– Больше того, господин офицер, он предсказал поражение нацизма в этой войне! Лотар Фиш так и сказал: «Эти русские свернут шею нашему бесноватому. Помяни мое слово, Герберт».

– Он что – коммунист, этот Фиш?

– Нет, не думаю. – Ланге потянулся за сигаретой, зажег ее, осторожно положил в пепельницу обгорелую спичку. – Не думаю, по всей вероятности, нет.

– И Фиш жив?

– Я получил от него весточку месяц назад. Что с ним сейчас – не знаю.

– Ну, а другой?

– С ним я встретился в тридцать третьем году, в ту ночь 27 февраля, когда в Берлине горел Рейхстаг. Это была наша первая встреча. Порт Гамбурга гудел, будто потревоженный улей. Там шел митинг. Ораторы вовсю драли глотку. Говорили многие, но громче всех – фашисты. Им подпевали социал-демократы. Все они хором вопили о необходимости «сильной руки», чтобы вновь завоевать стране и нации «место под солнцем», поносили коммунистов. Тогда мне это нравилось, и я орал вместе с другими, потрясая факелом, и готов был хоть сию минуту идти воевать за это самое место под солнцем. «Глупец», – сказал кто-то рядом. Я обернулся и увидел человека в фуражке с лаковым козырьком и в синем комбинезоне. Он жевал сигарету, насмешливо глядел на меня. Это был здоровяк, и я сдержал ругательство, готовое сорваться с губ. А митинг продолжался. Страсти так накалились, что произошла потасовка. Здорово досталось наци, а заодно и эсдекам. В таких случаях полиция тут как тут. И вот уже заработали резиновые дубинки шуцманов. Я счел за благо потихоньку выбраться из толпы. «Эй!» – окликнули меня. Я оглянулся. Подошел тот самый, в картузе. «По кружке пива, а? – сказал он так, будто мы были давнишние знакомые. – Я плачу». Он чем-то понравился мне, и я забыл, что несколькими минутами раньше едва с ним не подрался. Мы устроились в маленьком кабаке и тянули пиво. Разговорились. Больше говорил я, а он слушал и лишь изредка вставлял словцо. Я болтал вовсю, рисуя картины новой Германии, одна прекраснее другой. Он слушал. Потом спросил: «Твой отец тоже был докер и жил здесь до мировой войны?» – «Разумеется, – ответил я. – Мы потомственные докеры, здесь трудились всю жизнь и отец мой и дед». – «Как он жил, твой отец: лучше, чем ты?..» Я сказал, что нет, не лучше. Помнится, семья и в те годы считала каждый пфенниг, лишь по праздникам ела мясо. «Вот видишь, – сказал он, – выходит, так было и прежде. А ведь до войны Германия имела и жизненное пространство, и место под солнцем, и колонии, и всякие прочие штуки, о которых сейчас вопят нацисты. Имела все, а твой отец, докер, едва сводил концы с концами. Почему ты уверен, что теперь все изменится и каждый рабочий будет кататься как сыр в масле?» Настроение у меня упало. Я стал придирается к его словам. «Ты сердисься, Юпитер, – улыбнулся он, – значит ты не прав».

Только много позже я понял, что злился не на него, а на самого себя. Видимо, стыдно было признаться в этом... Вот так мы познакомились. Его звали Отто Шталекер. Оказалось, что работаем на одной верфи, только на разных стапелях. Он был механиком, а я слесарем.

Мы подружились, хотя он и постарше годами, после смены поджидали друг друга, вместе ходили в кабачок, если водились деньги. Даже женились на подружках – наших жен и по сей день водой не разольешь... Когда я перебрался в Остбург, туда же переехал и Отто. Работали на одном заводе. Началась война, меня забрали в вермахт, Шталекера же оставили: он большой специалист в своем деле...

– Он тоже не состоит ни в какой партии, этот ваш друг?

– Шталекер – коммунист, господин офицер. – Ланге невольно понизил голос. – Нацисты замучили в лагере его старшего брата. Побывала в их лапах и жена Отто. Он уже лет двенадцать в партии. Долго скрывал от меня. Потом как-то раз не выдержал, признался. Хотел, чтобы и я...

– Ну, а вы что же?

– Да не решился. Посчитал, сложно все это для меня. – Ланге вздохнул. – Сложно очень...

– М-да, – задумчиво протянул Аскер. – Хорошие у вас друзья.

– Неплохие, – кивнул Ланге.

– Ну а третий?

Ланге сказал:

– Это солдат, с которым я служил. Георг Хоманн.

– Служили, – повторил Аскер, стараясь говорить спокойно. – А что, этот... как его?

– Хоманн, господин офицер.

– А что, Хоманн теперь не с вами? Или погиб?

– Ни то и ни другое.

– Где же он?

– Как объявили неделю назад, Хоманн дезертировал. Перебежал на вашу сторону.

Сидит теперь в каком-нибудь лагере военнопленных, вроде этого. Если, конечно, его не подстрелили по дороге.

– Вы говорите так, будто не знали, что Хоманн собирался дезертировать.

– Я и в самом деле ничего не знал.

– Но вы были друзьями!

Пленный выпрямился на табурете.

– Таков Хоманн, господин офицер. Раз он не сказал, значит не мог. Не мог – и баста.

– Вы и до войны знали друг друга?

Ланге покачал головой.

– Нет, хотя и жили бок о бок: он и я в Остбурге. С Хоманном мы знакомы года полтора, с тех пор как попали в одну роту.

– Давно не были в родных краях, Ланге? – вдруг спросил Аскер.

– Давно.

– Хотелось бы съездить?

– А как же, господин офицер! Но теперь – капут. Надо ждать, когда закончится война или произойдет обмен пленными.

– У вас что, семья в Остбурге?

– Жена, господин офицер. Жена и дочь пяти лет. Им сейчас приходится туго: плохо с продуктами, да и Остбург частенько бомбят. Хоманн рассказывал...

– Он что, письма оттуда получал?

– Нет, ездил в Остбург. Я забыл сказать, господин офицер: Георг Хоманн совсем недавно побывал в Остбурге. Ему дьявольски повезло. И случилось это, когда он был назначен в караул – охранять склад провианта. Хоманн заступил на пост в полночь и только успел раза два пройти вдоль стены склада, как был окликнут какими-то солдатами, которые оказались неподалеку. «Разиня, – кричали солдаты, – погляди-ка назад». Хоманн обернулся

и обомлел: окно склада светилось. Причем свет то усиливался, то почти совсем исчезал. Хоманн понял, что на складе возник пожар, высадил раму, влез в окно. Горела куча пустых ящиков, стоявших у стены. Хоманн раскидал их, принялся гасить пламя. Когда вызванные по тревоге люди прибыли, пожар был уже ликвидирован. Разумеется, Хоманна сменили, отвели в караульное помещение, дали прийти в себя. А наутро он был вызван командиром батальона, и тот наградил его отпуском. Хоманн побывал в Остбурге, привез письмишко от моих. Вернувшись, ходил озабоченный, мрачный. Что-то его беспокоило. Теперь я знаю, что Георг Хоманн обдумывал свое намерение. И – выполнил его. Вот и вся история, господин офицер.

Ланге смолк. Молчал и Аскер. Он понимал, что все рассказанное пленным весьма важно. Это подсказывала интуиция, обостренное чутье следователя и разведчика. И еще одно чувство возникло во время допроса: какая-то неясная тревога. Аскер вдруг ощутил потребность побыть одному, подумать, покурить... Он отправил пленного, вышел за черту лагеря, в сосновый бор.

Больше часа провел здесь Аскер, сидя под большим деревом, в задумчивости глядя вверх, где между мохнатыми ветвями елей и сосен светлело бледно-голубое небо. Затем он вернулся и приказал привести командира роты лейтенанта Шульца.

Шульц оказался человеком лет двадцати пяти, с печальными глазами на тонком девичьем лице, которые он близоруко щурил. Выяснилось, что Гуго Шульц, работавший до войны продавцом в книжном магазине, стал офицером всего года полтора назад. До этого медицинские комиссии браковали его: он очень близорук, носит специальные очки. В конце концов его все же взяли в армию. Он был послан на ускоренные курсы офицеров, окончил их и оказался на фронте – сначала взводным, а потом заменил убитого командира роты. Остальное известно.

Аскер осторожно перевел разговор на подразделение, которым командовал Шульц. Похоже было, что лейтенант говорит откровенно, не хитрит. Отвечая на вопросы следователя, он назвал больше десятка своих солдат, наделяя каждого краткой характеристикой. Наконец дошла очередь до Хоманна. Шульц сказал:

– Ефрейтор Георг Хоманн служил честно, был скромн и храбр. Только я говорю это вовсе не потому, что однажды Хоманн спас мне жизнь... Так требует справедливость.

– Чувство справедливости всегда руководит вами? – поинтересовался Аскер.

– Полагаю, да.

– А я сомневаюсь в этом.

– Господин майор сомневается? – Пленный растерянно развел руками. – Признаться, я никогда не подозревал, что могу быть обвинен в пристрастии или...

– Вспомните о происшествии в провиантском складе, когда в карауле был Хоманн. Вспомнили?

– Я не понимаю господина майора.

– Хорошо, помогу вам понять меня. Скажите, в ту ночь Хоманн действительно совершил такой уж выдающийся поступок?

Шульц замялся.

– Говорите, говорите!

– Я все еще не понимаю господина майора.

– Ну, вот только что вы заявили: случилось, что Хоманн спас жизнь своему командиру, то есть вам. Это так?

– Да.

– И что же, подвиг солдата был оценен по достоинству? Хоманна наградили?

– Нет. – Шульц помолчал, начиная понимать, куда клонит следователь. – Нет, господин майор, история прошла незамеченной.

– А произошел пустяковый пожар на складе, и вы торопитесь с реляцией о героизме Хоманна.

– Это не я, господин майор.

– Не вы? – Аскер почувствовал, как у него вспотел лоб. – Как это – не вы? Говорите правду.

– Да, не я. Ходатайство было, конечно, мое, как командира роты, но я подал его не по своей воле. Мне было приказано.

– Кем?

– Майором Гаусом.

– Кто это – майор Гаус?

– Командир батальона.

– Расскажите подробнее.

– После того как пожар был погашен и суматоха улеглась, я вызвал Хоманна к себе, детально обо всем расспросил, похвалил. Он сказал, что не совершил ничего особенного. Опасности пожара фактически и не было. Горели ящики, сложенные у стены. Они были обособлены. Стены, пол, потолок – земля и камень, гореть нечему. Даже краска на стенах не масляная, а известка. В том помещении не имелось больше ни ящиков, ни продуктов, ничего другого, что могло бы гореть. Словом, сторев, ящики превратились бы в золу, и дело с концом. Я отпустил Хоманна. И вот зазвонил телефон. Говорил майор Гаус. Он спросил о происшествии. Я доложил. Гаус сказал: «Хоманн действовал героически, надо его поощрить». «За что?» – спросил я, пояснив, что был лишь жалкий костер из кучи фанерных ящиков. – «Все равно, – ответил Гаус, – проявлена самоотверженность, она не может остаться без награды». Я позволил себе поиронизировать и спросил, уж не думает ли майор представить Хоманна к кресту? Гаус сказал: «Ордена не дадим, а в отпуск пошлем, пусть побывает в тылу».

– И Гаус настоял на своем?

– Разумеется. Это же в его власти.

– Хорошо. – Аскер встал. – Закончим пока на этом наш разговор.

... Утро следующего дня Аскер посвятил беседе с Георгом Хоманном. Вначале он задал десяток обычных вопросов, приглядываясь к перебежчику. Ответы Хоманна в точности соответствовали тому, что Аскер установил при допросе пленных солдат и офицеров третьего батальона. Хоманн ни разу не солгал даже в мелочах.

Он отвечал четко, охотно, без каких-либо колебаний или уверток. И хотя, после всего того, что узнал следователь от Шульца, к Хоманну надо было бы относиться с недоверием, Аскера не покидало ощущение, что собеседник его – честный человек.

Осторожно подвел он Хоманна к эпизоду на провиантском складе. Разговор о происшествии на складе он считал серьезным испытанием для подследственного. Хоманн, если он засланный с какими-то целями агент, должен был всю расписать свое участие в тушении пожара, чтобы дальнейшее – отпуск и поездка в тыл – было возможно лучше обосновано.

Хоманн же поступил как раз наоборот. Он заявил, что ничего особенного не совершил и награждать его, в сущности, было не за что.

– Как же так? – удивился Аскер.

Хоманн пожал плечами, чуть развел руки.

– Я и сам не возьму в толк. Многое непонятно, товарищ майор. Вот, например, месяц назад я спас жизнь ротному командиру. – Он улыбнулся, в голосе его зазвучали теплые нотки. – Был у нас лейтенант Шульц. Это честный парень, нацистов недолюбливает, с солдатами справедлив... И вот однажды случилось так, что я его спас. Был бой, мы отходили, Шульц и я оказались рядом в тот момент, когда неподалеку плюхнулась мина. Я успел швырнуть на землю лейтенанта, упасть сам. И в тот же миг рвануло так, что у нас едва не лоп-

нули барабанные перепонки. Позже, когда мы пришли в себя, Шульц заплакал. Он написал взволнованный рапорт начальству. И вы думаете, меня отметили? Черта с два!

– А теперь – и отпуск, и благодарность?

– Именно! И еще одно: перед отъездом в отпуск я зашел к лейтенанту Шульцу. Знаете, мне показалось, что и он, как бы это сказать... в некотором недоумении, что ли, по поводу всей этой истории.

– Давно знаете майора Гауса?

– Я не понимаю вопроса.

– Ну... быть может, майор Гаус почему-либо особенно расположен к вам?

– Что вы, – Хоманн усмехнулся. – Он, я думаю, до пожара на складе и не подозревал о моем существовании.

Глава седьмая

1

Со времени возвращения Аскера с фронта и совещания у генерала Лыкова прошло три недели. И вот Лыков вновь слушает доклад майора Керимова.

Аскер рассказал о допросах лейтенанта Шульца, обер-ефрейтора Герберта Ланге и других, о разговорах с Георгом Хоманном.

– Выводы, – сказал Лыков, когда Аскер закончил. – Делайте выводы, майор.

– Выводы? – Аскер задумался. – Вывод такой: Георг Хоманн честный человек и говорит правду.

Лыков как-то странно поглядел на офицера, позвонил.

Вошел адъютант:

– Что, прибыл полковник Чистов? – спросил Лыков.

– Да, товарищ генерал. Он здесь и ждет.

– Пригласите.

Вошел Чистов. Это был человек лет шестидесяти пяти, болезненного вида, высокий, худой. Одет он был в штатское, как, впрочем, все находившиеся в кабинете.

– Доложите нам о тайнике с архивами. С самого начала, коротко, – сказал Лыков.

– Слушаюсь. – Чистов гулко откашлялся в кулак и начал. – Полгода назад нам стало известно, что из РСХА⁴ разослана во все органы гестапо, абвера, СД и СА⁵ весьма важная директива. Подписал ее сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Директива предписывает этим организациям, а также альгемейне СС⁶, ваффен СС⁷, ферфюнгсgruppen СС⁸ и соединениям «Тотен копф»⁹ принять все меры к тому, чтобы архивы их были сохранены и ни при каких обстоятельствах не попали в руки противника. При эвакуации с востока архивы надлежит под строгой охраной отправлять в определенные пункты, где они должны быть систематизированы и в специальных металлических ящиках сданы на тайное хранение. Где, в каких пунктах и под чьим руководством созданы эти тайники, сколько их и что они собой представляют, мы не смогли еще установить.

– Кое-какие сведения получили только месяца два с половиной назад, – проговорил Лыков. – Причем об одном лишь тайнике, а их, вероятно, несколько.

– В Остбурге? – спросил Аскер.

– Остбург? – Полковник Чистов казался удивленным. – Нет, речь идет о другом населенном пункте.

– Не в Остбурге, – сказал, как бы размышляя вслух, генерал Лыков.

Аскер беспокойно завожился на месте.

– Он, этот городок, расположен в низовьях Эльбы, на ее левом берегу, – продолжал Чистов.

– На каком? – переспросил Аскер.

⁴ РСХА – главное имперское управление безопасности в гитлеровской Германии.

⁵ СА – отряды безопасности.

⁶ Альгемейне СС – общая СС.

⁷ Ваффен СС – войска СС.

⁸ Ферфюнгсgruppen СС – особые отряды СС.

⁹ «Тотен копф» – дивизия СС «Мертвая голова».

– На левом, то есть на западном. Точнее, не на самом берегу, а несколько в стороне от реки.

– Название городка?

– Карлслуст, – сказал Чистов. – Предполагается, что близ него, в лесу, где-то у реки, в подземном хранилище и находятся архивы, о которых идет речь. Точнее – часть этих архивов. Тайник сделан с целью сохранить архивы, если война будет проиграна и Германию оккупируют.

– Простите, товарищ генерал. – Аскер приподнялся. – Могу я спросить об источнике, из которого полковнику стало известно об архивах и тайнике?

– Можете. – Лыков взглянул на Чистова. – Ответьте майору Керимову.

Чистов сказал:

– Источник – это наш разведчик, действующий по соседству.

Аскер встал, подошел к карте Европы, занимавшей одну из стен кабинета, приложил линейку, что-то прикидывая, потом вернулся.

– Всего полтораста километров, – сказал он. – Только сто пятьдесят километров отделяют Остбург от Карлслуста. Города – на разных берегах реки. В остальном все совпадает – расположение тайника, устройство, метод хранения, упаковка.

– Да, даже упаковка, – кивнул Лыков.

Чистов молчал. Он был дисциплинирован и вопросов не задавал: все, что нужно, генерал Лыков скажет.

– Два тайника в соседних городах... – Аскер потер переносицу. – Странно.

– Послушаем полковника Чистова, – сказал Лыков.

Аскер сел.

Чистов продолжал:

– Архивы ищет специальная группа. Она в Карлслусте, заброшена удачно, действует активно, но пока поиски безрезультатны. Определился район нахождения объекта. И только. Дальше группа не может продвинуться ни на шаг. Контрразведка едва ее не нащупала. Теперь там все перекрыто, и малейшая оплошность может привести к катастрофе.

– Простите, когда это произошло? – Аскер беспокойно задвигался на стуле.

– Вы спрашиваете, когда произошло осложнение и немцы встревожились? – переспросил полковник.

– Да.

– Дней сорок назад...

– А что, – задал вопрос Аскер, – разве трудно архивы вывезти и в каком-нибудь другом месте соорудить новый тайник?

– Мы предусмотрели такую возможность и наблюдаем за транспортом. К тому же архивы, о которых идет речь, – это сотни больших ящиков. Передвинуть колонну машин с таким грузом незаметно для вражеской разведки, которая находится в данном районе и специально охотится за этими архивами, вряд ли возможно. Немцы поумнели по сравнению с тем, как действовали в первый период войны. Сейчас они далеки от того, чтобы недооценивать силы и возможности советской разведки.

Генерал поблагодарил Чистова. Тот попрощался и ушел.

– Ну, – сказал Лыков, когда он и Аскер остались одни, – что вы обо всем этом можете сказать?

Аскер молчал.

– Говорите же, – усмехнулся Лыков.

Аскер встал, взялся за спинку стула.

– И все же я верю перебежчику Хоманну, – тихо, с большой убежденностью проговорил он.

Лыков не ответил.

– Верю, – продолжал Аскер, – и ничего не могу с собой поделывать. Вот я разговариваю с ним, он глядит мне в глаза, я слушаю его неторопливую, обстоятельную речь и чувствую: Хоманн говорит правду!

– Любопытно, – протянул Лыков, стряхивая с папиросы пепел.

– Товарищ генерал, он ни на грамм не выгораживает себя, напротив – часто говорит вещи, которые могут только навредить ему. Говорит и понимает, что действует себе во вред, – я вижу это по его глазам, по тому, как меняется его настроение, голос... А ведь к этому его никто не принуждает. Он поступает так добровольно, хотя о многом мог бы и словом не обмолвиться. Сергей Сергеевич, все то, что я имел возможность перепроверить из его показаний, – правда, одна лишь правда, от начала до конца, от главного до последней мелочи... Могут сказать: это прием, применяя который подследственный хочет расположить к себе следователя, чтобы тот поверил его дальнейшим показаниям. Но такой прием хорош лишь в одном случае. А именно, когда преступник знает, что следствие имеет возможность перепроверить его показания. Ведь так?

– Да, пожалуй.

– А Хоманн и не подозревает, что в наших руках и лейтенант Шульц, и обер-ефрейтор Ланге, и многие другие из тех, с кем он служил.

– Что же вы предлагаете, майор? Как нам отнестись к тому, что сообщил полковник Чистов?

Аскер промолчал.

– Ну хорошо. – Лыков встал, давая понять, что разговор окончен. – Вы принесли показания Хоманна?

– Да, они в этой папке.

– Оставьте. Сегодня вызову перебежчика. Хочу познакомиться с ним. Вас жду завтра, в десять утра.

2

Наутро Аскер вновь был в кабинете начальника. Лыков выглядел уставшим, так как провел бессонную ночь. Он сказал:

– Хоманна допрашивал. Впечатление – сходное с вашим.

Генерал задумчиво размял папиросу, повертел между пальцами, отложил.

– Итак, – проговорил он, – мы условились, что верим Хоманну... Ну а как быть с тем, что докладывал полковник Чистов? Есть у вас основания не верить ему и его людям?

– Нет, товарищ генерал.

– И у меня таких оснований не имеется.

Наступила пауза. Аскер и Лыков сидели в задумчивости.

– Быть может, тайники есть и в Остбурге и в Карлслусте? – продолжал генерал. – Предположение при данных обстоятельствах правдоподобное. Но пока я не могу его принять. Удерживают две причины. Первая: города слишком близко расположены, чтобы был смысл дважды производить одну и ту же работу... я имею в виду сооружение тайника. И вторая причина: данные полковника Чистова о тайнике поразительно похожи на данные Хоманна и арестованного в Баку агента. Напрашивается мысль: а не идет ли в этих двух случаях речь об одном и том же тайнике? Припомните: сходится все – устройство тайников, место расположения, система хранения...

Генерал поднялся, прошелся по кабинету, остановился за спиной Аскера.

– Ночью я докладывал начальству. Меня спросили: «Не следует ли рискнуть и группу, работающую в Карлслусте, перенацелить на Остбург?» Я не считал это возможным. Мы пришли к заключению заслать в Остбург разведчика. Пусть во всем разберется на месте.

– Верно, товарищ генерал.

Аскер хотел встать. Лыков придержал его за плечо, обошел стол, тяжело опустился в кресло.

– Вам придется ехать, товарищ Керимов...

Аскер кивнул.

– Мы уже говорили о том, как нужны нам эти архивы. Хотел бы напомнить о старой фашистской агентуре и о тех новых шпионах, которых оккупанты конечно же постарались завербовать и, уходя, оставить на нашей земле. Вы представляете, сколько ценнейших сведений обо всех этих негодях содержат архивы, которые мы с вами ищем! Но это далеко не все. Подумайте, сколько советских патриотов схвачено и умерщвлено в застенках гестапо, абвера и СД! Сколько наших людей приняло мученическую смерть в подвалах и крематориях различных зондеркоманд и эйнзатцгрупп...¹⁰ В тех архивах несомненно сохранились данные о том, как они жили, как боролись и умирали. Теперь дальше. К нам разными путями просачиваются данные. Негодяи занимаются преступными опытами над пленными, убивая их кислородным голоданием, сверхнизкими температурами и сверхнизким давлением. Пленным впрыскивают яды, на них пробуют действие отравляющих веществ, испытывают новые виды оружия – гранаты, мины, фугасы. Кто знает, не найдутся ли данные и обо всем этом в секретных архивах фашистов!.. И еще раз подчеркиваю: списки и сведения об агентурной сети гитлеровцев! Беда, если мы запоздаем. Необходимо во что бы то ни стало, любой ценой перехватить эту документацию. Учтите: она интересует не только нас. Далеко нет. Страна не простит нам, если документы, о которых идет речь, окажутся в лапах разведки других государств. В этом случае фашистские шпионы получили бы новых и весьма энергичных хозяев.

– Все понял, товарищ генерал, – сказал Аскер.

– Поняли и прониклись важностью задачи, которую будете решать?

– Так точно, товарищ генерал.

– Вы сколько лет в партии, товарищ Керимов?

– Три года. – Аскер поправился: – Почти три года.

– Нашу работу я расцениваю как важное задание партии, – сказал Лыков. – Полагаю, что только так и может думать чекист.

– Именно так!

– Никогда не забывайте об этом. И еще: думайте о Родине нашей, о народе, о товарищах и о своей семье. Верьте мне, помогает, когда трудно.

– Понимаю, товарищ генерал.

– Там... – Лыков помолчал, кивнул куда-то в сторону, – там уже знают, что идете вы. Знают и одобрили мой выбор.

– Спасибо, Сергей Сергеевич, – хрипло проговорил Аскер. – Клянусь вам, все сделаю, чтобы...

Он не закончил фразы, порывисто пожал руку, которую ему протянул Лыков.

Генерал сказал:

– Разработкой операции по заброске вас в Остбург уже занимаются. Все это поручено Рыбину.

– Ясно.

¹⁰ Зондеркоманды и эйнзатцгруппы – специальные команды и группы СС, занимавшиеся карательными операциями и уничтожением военнопленных и мирного населения.

– Задача сложная, поэтому в помощь полковнику Рыбину я подключил и группу полковника Чистова. У него тоже имеются кое-какие возможности. Но, быть может, у вас сложится свой план проникновения в Остбург? Подумайте и доложите. Скажем, через неделю. Утром, часов этак в десять.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Аскер и Лыков встретились взглядами.

– Вы славный парень, – сказал генерал. – Вот и у меня был такой. Был... до декабря сорок первого. Под Москвой убили. Да вы знаете...

Лыков горько улыбнулся и, ссутулившись, побрел к окну.

Глава восьмая

1

В назначенный день Аскер входил в кабинет начальника.

Лыков снял очки – он просматривал бумаги – и указал офицеру на кресло возле стола.
– С чем пришли, товарищ Керимов?

Аскер изложил свой план. Генерал надолго задумался. Все в этом плане было смело и необычно. Впрочем, «необычно» – не то слово. В разведке, естественно, не бывает проторенных путей. Ибо тогда враг, изловивший одного разведчика, сможет без особого труда выловить и многих других. В глубоком вражьем тылу разведчики всякий раз действуют по-иному, непрестанно изобретая, маневрируя, запутывая след, чтобы сбить с толку контрразведку противника, тоже весьма сведущую в этом сложном искусстве.

Все это, разумеется, прекрасно знал генерал Лыков. И все же даже ему, человеку опытному и искушенному во всех тонкостях своего ремесла, план Аскера показался слишком рискованным и смелым.

Аскер сказал:

– Мне долго казалось, что фашизм принят германским народом, стал его идеологией. Казалось, это весьма прочно, его не вытравить из душ немцев. Но, пожив среди них, я понял, как ошибался. Здоровые, жизнедеятельные силы народа мощнее, гораздо мощнее, чем надеялись фашисты. Это довольно определенно ощущалось еще тогда, год назад. Теперь же, к середине сорок четвертого года, режим Гитлера ослаб еще больше.

– За это нам надо благодарить в первую очередь свою партию и народ, свою армию!

– Понимаю, товарищ генерал, все понимаю. Но я сейчас не касаюсь причин, я беру следствия.

Лыков заглянул в принесенные Аскером бумаги.

– Значит, Ланге?

– Да, товарищ генерал. Именно он, а не Хоманн, хотя, вероятно, подошел бы и тот. Но Георг Хоманн – перебежчик. Он и перебежчик, и коммунист, и сам вызвался...

Лыков понимающе кивнул.

– А Ланге чист, – продолжал Аскер. – Как стеклышко чист. Я проверял его еще более тщательно. Все использовал, все привел в действие. И Хоманн, и полтора десятка других немцев, что служили в третьем батальоне, единодушны в его характеристике. Вот их показания. – Он пододвинул генералу толстую папку. – А ведь они и не подозревают о том, что Ланге у нас. Более того, пущен слух, будто Ланге погиб. Так что о нем говорят совершенно откровенно, не стесняясь... И еще. Это, пожалуй, главное. Герберт Ланге обращается к вам с заявлением, товарищ генерал. Он просит использовать его на любой работе, в любых условиях, лишь бы это хоть в какой-нибудь степени способствовало разгрому гитлеровского режима в Германии. Да вот это заявление.

Аскер передал Лыкову мелко исписанный лист бумаги. Несколько минут генерал читал документ, затем отложил, вынул платок, протер стекла очков.

– Сильно написано, – негромко сказал он.

– Сильно, – кивнул Аскер. – И заметьте: ни слова о том, чтобы «с оружием в руках» или что-либо в этом роде. Нет – тыл, работа, тяжелая работа в любых условиях. – Аскер улыбнулся, взял заявление, нашел нужное место. – «Если советские власти сочтут необхо-

димым послать меня в страшную Сибирь, где царит мрак и ледяная стужа, то и туда поеду с радостью. Куда угодно, только бы не сидеть сложа руки».

– Мрак и ледяная стужа, – повторил Лыков, невольно улыбнувшись. – Вот ведь как они о Сибири...

Аскер продолжал:

– Несколько дней назад у работников полковника Чистова я знакомился с наметками по заброске меня в Остбург. Они ничем не могли порадовать.

– Я знаю.

– Предложили два варианта. В первом случае заброска производится в район Гамбурга, а уже оттуда, спустя некоторое время, я самостоятельно...

– Это исключено.

– И второй вариант – ждать. Ждать, пока не будут созданы необходимые условия для заброски непосредственно в Остбург. А это – несколько месяцев. Долго.

– Долго, – кивнул Лыков. – Столько ждать не можем. – Он помолчал и пояснил: – Наши опасения подтверждаются. Есть данные, что к различным архивам фашистов все больший интерес проявляет иностранная разведка. Та самая, о которой я вам как-то говорил. Короче, может случиться, что у нас появится соперник. Причем весьма активный и напористый. Вы понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.